

Алтарь

Автор:

Александр Прозоров

Алтарь

Александр Дмитриевич Прозоров

Клан #2

Чтобы встретить свою любовь, Алексей Дикулин прошел через врата смерти, выдержал испытание мечом и искушение властью. Он заслужил право быть счастливым, заслужил право любить хранительницу из Клана Нефелима. Не знает он единственного условия, поставленного перед хранительницей номарией Клана: в ближайшие дни, получив все желаемое, Алексей обязан умереть.

Александр Прозоров

Алтарь

Пролог

Санкт-Петербург, улица Большая Морская, фитнес-клуб «Сильфиджа».

17 ноября 1995 года. 10:15

Лена положила на плетеный столик меч, в котором черный обсидиановый стержень был зажат между двумя остро отточенными стальными полосами.

- Что это? – спросил Алексей, в животе у которого вдруг похолодело от неприятного предчувствия.

- Ритуальный меч. – Хозяйка антикварного магазина отвела в сторону карие глаза. – Обсидиан – это священный камень, не позволяющий использовать магию во время поединка. Бой будет честным.

- Что?

- Ты знаешь нашу тайну, Алексей, – вздохнула девушка, – ты знаешь о клане. Но когда я вытаскивала тебя из иного мира, у нас уже был эмир. Теперь вас двое. А место в клане есть только на одного. Сейчас он поднимется сюда. С той стороны мансарды есть еще одна дверь.

- Понятно, – шумно втянул воздух Дикулин, глядя на меч. – Ты знаешь, Аленушка, у вас тут не обитель, а мясокомбинат какой-то. Ни дня без трупа. Это начинает надоедать.

- Тринадцать дней.

- Что?

- Тринадцать дней, Леша... – Лена подошла ближе, взяла его лицо в ладони и повернула к себе, ловя взгляд. – До моего дня рождения осталось тринадцать дней. Через тринадцать дней я получу свободу от обета и стану женщиной. Леша, я хочу, чтобы это был ты. Именно ты, а не...

Она оборвала фразу на полуслове, еще немного подержала теплыми ладошками его щеки, потом отступила, быстро ушла к двери и закрыла за собой светлую створку из розоватой от морилки сосны. Алексей остался один.

На чердаке старинного особняка, несмотря на позднюю осень, было жарко, пахло лавандой, сельдереем и черемшой. Ничего удивительного: он полностью был превращен в зимний сад. Под льющемся из широких мансардных окон

светом жизнерадостно зеленели папоротники, фикусы и монстеры, проходы между кадушками желтели от мелкого речного песка. Краем глаза Алексей заметил в одном из окон купол Исаакиевского собора с воздетым к самым облакам крестом, подошел ближе, прижался лбом к холодному стеклу. Перед ним открылась череда железных крыш – крашенных и сверкающих оцинковкой, совсем новых и покрытых ржавыми пятнами. Чуть дальше, за гостиницей «Англетер», торчали черные ветки деревьев.

Центр города! Самое сердце северной столицы – одного из средоточий мировой цивилизации, науки, культуры. Город сотен институтов, современных заводов, музеев, морские ворота России. Неужели вся та чертовщина, в которую он вляпался, может твориться именно здесь? Не в лесных непролазных чащобах, не в таинственных Шамбалах Тибета или зловещих трансильванских замках – а здесь, возле Законодательного собрания и института Вавилова, возле Невского проспекта, Адмиралтейства, Зимнего дворца и Александрийского столпа!

Хлопнувшая дверь заставила Дикулина отступить от окна к столику, поближе к оружию. Послышался шорох песка, и в дальнем конце чердака из-за пушистой зеленой туи возник мужчина в черной майке и плотно обтягивающих ноги тренировочных штанах. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять. Голубые глаза, правильные черты лица, коротко стриженные светлые волосы. Пожалуй, он был бы копией красавчика Алена Делона, если бы не широкие плечи, рельефные мышцы на груди и руках, толстые пальцы рук. Меч с обсидиановой вставкой – точно такой же, как лежал на столике перед Алексеем – смотрелся на фоне майки и треников нелепо, как золотая серьга в ухе старой бродяжки.

Эмир клана оглядел претендента на свое место с не меньшим интересом, усмехнулся, потрянув головой:

– Моих девиц потянуло на маленьких мальчиков? Что же, придется их снова разочаровать. Зря ты сюда пришел, парень. Зря.

Алексей промолчал. В душе его зародилось что-то вроде разочарования: он был почему-то уверен, что увидит кого-то из своих знакомых. Капитана Нефедова, например. Или кого-то из топорников. А так – просто красавчик. Хотя с другой стороны – а кого еще могли выбрать женщины клана для продолжения рода? Не Эйнштейна же, в конце концов!

– Бабы сволочи, правда? – словно подслушав мысли, рассмеялся эмир. – Им развлекуха, а мужики друг другу кишки должны наружу выпускать.

– Зачем же ты это делаешь? – поинтересовался Дикулин.

– А ты, что, импотент? – Мужчина взмахнул мечом и неторопливо пошел вперед. – Не знаешь, зачем девки нужны? Их тут больше трех сотен, и все мои. Все до единой. По штуке на каждый день в году. Есть ради чего рискнуть, правда?

– Разве из-за этого стоит убивать?

– Такова жизнь, парень, – пожал плечами эмир. – Так устроена природа. У всех на свете, от жуков до тигров, самцы дерутся, а бабы ждут, кому достанутся. Победитель получает все.

– А если мне не нужны триста шестьдесят пять женщин?

– Тогда тебе не повезло, – опять расхохотался красавчик. – Как же они тогда тебя сюда заманили? Меня, что ли, встряхнуть захотели? Чтобы форму не терял? Одно слово, бабы. Все бабы сволочи. Я должен открыть тебе одну маленькую тайну, парень. С этой мансарды никогда не выходят двое. Остаться должен только один. Ты не видел этого кинешки? «Останется только один»!

Эмир приостановился и со свистом рассек клинком воздух. Алексей невольно покосился на меч на столе. Но рука не лежала к оружию. Совсем не лежала.

– Я не имею против тебя никакой обиды, – тихо произнес он.

– Я тоже, парень, – кивнул мужчина. – Никакой обиды, ничего личного. Просто так надо. Просто тебе не повезло.

– А тебе?

– Мне проще. Я здесь давно. А ты... Тебе когда-нибудь приходилось убивать человека? Не в компьютерной игрушке, не понарошку, а лицом к лицу? Бить клинком в живот, резать горло, протыкать грудь? Ты даже не представляешь,

что это такое. Это не так-то просто сделать. Не так-то просто решиться...

Да, это было совсем не просто... Дикулин вспомнил схватку у озера: как несколько свихнувшихся пенсионеров отчаянно и целенаправленно пытались его убить – а он никак не решался им ответить. Отбрыкивался, пинал, бил ногами и кулаками, но убивать – не решался. И, наверное, скорее бы умер, нежели убил. Но там нужно было думать и о Лене, о ее спасении. И только из-за нее он решился нанести первый удар топором не по ноге, а в горло.

– Ты даже не представляешь, что это такое, парень, – продолжал разглагольствовать красавчик. – Поэтому дам тебе совет. Закрой глаза. Закрой глаза, и все кончится быстро и безболезненно. Избавишься от лишних мучений.

– Закрывать глаза? – В руке появился легкий зуд. – Просто сдаться? Легко и просто, да? Интересно, какой я уже у тебя, красавчик?

– Седьмой, – вскинул подбородок эмир.

– И многие закрывали глаза?

– Ты не понимаешь, что тебя ждет, парень, – покачал головой эмир. – Если ты захочешь помахать этой штукой, то ты умрешь не сразу. Я буду тебя колоть в ноги, плечи, руки, в лицо. Резать там, куда дотянусь. И только когда ты свихнешься от боли и ослабеешь от потери крови, я выберу момент и добыю. Но ты к этому времени уже сам будешь мечтать о смерти как о милости. А сам ты ударить меня не решишься, даже когда у тебя появится шанс. Потому что я живой. Я дышу, разговариваю, у меня бьется сердце. У меня из ран льется кровь. Лучше просто закрой глаза – и тогда все кончится быстро и небольно.

– Я тоже живой, красавчик.

– Мы все живые, парень. Но сегодня тебе не повезло. Не добавляй себе мучений. Закрой глаза.

– А ты меня не убьешь?

– Просто закрой глаза и ни о чем не думай.

- Ладно, попробую...

Алексей сделал глубокий вдох и опустил веки. В тот же миг он услышал быстрые шаги по песку, всем своим существом ощутил холод направленного в сердце клинка. Рука стремительно скользнула к рукояти близкого меча – Дикулин качнулся в сторону и стремительным движением отмахнулся клинком.

- Ах ты сволочь! – Эмир, отскочив на пару шагов, ощупывал лицо, по которому тянулась длинная царапина.

- Ну вот, ты уже и не красавчик, – пробормотал Дикулин, передергивая плечами.

- Ты же обещал закрыть глаза! – возмущенно закричал мужчина.

- Я передумал, – дружелюбно улыбнулся Алексей.

- Ах ты гад!

Эмир вскинул меч над головой, ринулся вперед и, резко хукнув, опустил оружие – Леша торопливо нырнул ему под руку, утягивая оружие за собой. Клинок почти невесомо скользнул противнику по животу, рассекая ткань майки и смуглую кожу. Стол, жалобно хрустнув, развалился на две половинки, эмир споткнулся, упал на колено, но тут же поднялся и повернулся. Рана на его животе тянулась от левого бедра до нижних ребер справа, ткань майки и штанов стремительно намокала.

- А-а-а! – Красавчик кинулся вперед, торопясь обрушить на Дикулина как можно больше ударов, но действовал медленно, слишком медленно – раз в десять тяжелее, нежели колдун, с которым Леше довелось столкнуться в Леночкином магазине. Примерно со скоростью зомби – а потому Алексей не столько испугался стремительной атаки, сколько испытал облегчение. Он ожидал, что придется намного хуже. Поначалу он просто пятился, подставляя клинок под удары, перед каждым из которых эмир замахивался из-за головы – а потому рана на животе расширялась, выплескивая все новые и новые порции крови. А когда пятка уперлась в какое-то препятствие – не парировал очередной удар, а отбил его вверх, одновременно с поворотом проскочив мимо противника и рубанув его по шее.

Дикулин промахнулся: клинок опустился эмиру на затылок. Но тот все равно упал, пару секунд полежал на животе, потом подтянул ноги, приподнялся на коленях и повернулся к Алексею, направив на него меч. На большее сил не хватило. Красавчик опрокинулся на спину, отпустил меч, отер ладонью лицо, с некоторым удивлением посмотрел на окровавленную ладонь.

- А еще говорят, семь – счастливое число... – прохрипел он.

- Потерпи, – присел рядом Дикулин. – Я сейчас, позову кого-нибудь. Только рану на животе зажми. Кровью истечешь.

- Не зови, – тихо ответил эмир, – не придут. Никогда не приходят. Все бабы сволочи.

Леша закрутил головой, ища, чем можно сделать перевязку или хотя бы просто закрыть бедолаге рану на животе. Но на чердаке ничего подходящего не имелось. Даже растения, хоть и симпатичные, для лечения ран были совершенно непригодны.

- Пока кто-то душу не отдаст, они не придут... – одними губами сообщил эмир. – Обряд у них такой. Я сейчас... Отдохну, и продолжим. Ты ведь меня не добьешь? Спать очень хочется... Еще никогда я так не хотел спать... Не добивай меня... Пожалуйста...

Мужчина закрыл глаза, пару раз вдохнул, после чего голова его безвольно качнулась влево. Из легких медленно, словно из опадающей надувной лодки, вышел воздух. Алексей прижал пальцы к его горлу – и ничего не почувствовал. Эмир клана был мертв.

- Извини, мужик, – пробормотал Дикулин, понимая всю непоправимость случившегося. Азарт схватки ушел в прошлое, и на руках у него остался лишь незнакомый человек, которому он без особого повода вспорол живот. Не оглушил, не обезоружил, не отвел глаза – а убил. Лишил жизни. Навсегда. – Извини, мужик. Я не хотел.

Захлопали двери, и многочисленные женщины в юбках и белых платках, словно хвастающиеся обнаженными грудями, наполнили мансарду. Женщины всех возрастов, разного роста, сложения, цвета кожи. Когда свободного места почти

не осталось, все они одновременно склонились, опустившись на колени:

– Слава нашему эмиру! Прими наше почтение, эмир! Мы твои, эмир! Мы принадлежим тебе, эмир! – Многоголосое восхваление сливалось в единый равномерный шум, но, к своему удивлению, Дикулин понимал каждое слово. Его превозносили, им восхищались, ему покорялись и отдавались – если не душой, то, по крайней мере, телом. Его признавали властелином.

– Лучше бы вы меня не оживляли! – Алексей кинул меч рядом с телом и, не без грубости расталкивая хранительниц, добрался до двери. Оглянулся, а затем быстрым шагом побежал по ступенькам вниз.

– Кажется, на нового эмира наши приветствия не оказали обычного воздействия... – поднялась одна из женщин, в желтой парчовой юбке и небольшой накидочке из того же материала на плечах, с морщинистой кожей и болтающимися грудями, похожими на пустые тряпочные мешочки. – Даже не знаю, радоваться ли нам или горевать. Он не возгордился своей властью и положением, и это хорошо. Но такими смертными трудно управлять, и это плохо. Где ты, моя девочка? Твой избранник действительно интересен. Но вот куда он побежал?

– Простите его, номария, он только что пролил кровь невинного человека. – Хозяйка антикварного магазина оказалась у самого выхода и теперь торопливо протискивалась к главе клана. – Он пошел в мою келью. Он не так глуп, номария, чтобы рассчитывать легко и просто выйти из дома.

– Я понимаю тебя, девочка. – Старуха протянула руку, словно намереваясь положить ее Лене на плечо. – Ты сделала хороший выбор. Однако помнишь ли ты о решении совета?

– Я помню, номария. – Девушка склонила колени перед главой клана. – Но я прошу вас о милости, сестры. До окончания моего обета осталось всего тринадцать дней. Я бы хотела завершить обет и познать долю женщины в объятиях того смертного, которого избрала. Всего лишь тринадцать дней... Разве они смогут хоть что-то изменить в судьбах мира после шести тысяч лет сна?

– Когда мы воскресили его? – задумчиво переспросила старуха. – Всего пару дней назад? И с тех пор он успел с честью пройти сразу два испытания. Я считаю, твоему избраннику нужны силы, и дарю ему двадцать дней на то, чтобы стать живым и сильным.

– Благодарю, номария, – склонилась девушка.

– Однако помнишь ли ты, девственница, что Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, нуждается не в войне, а в боге войны?

– Да, номария, я помню и чту волю совета превыше всего, – снова склонила голову Лена. – Если Нефелиму нужен бог войны вместо моего избранника, я признаю это решение и всей душой присоединяюсь к нему.

– Я верю тебе, моя девочка, – положила номария руку на голову девушке. – Я дарю тебе и твоему мальчику двадцать дней. Я желаю, чтобы окончание обета стало еще одной радостью в твоей жизни, а твой избранник зачал для нас в твоём лоне новую хранительницу. Красивую, мудрую и преданную, как ты. Пусть эти дни станут для вас высшей радостью. Но помни, девственница! Еще до окончания обета твой избранник обязан принести Великому клятву верности. А через двадцать дней – обязан умереть!

Глава первая

Берег Верхнего Нила, селение Эл-Хамар.

3815 год до н. э.

Следом за полусотней копейщиков по пыльной дороге меж полей медленно, словно в полудреме, тащились воловьё упряжки. На двухколесных арбах огромными горами возвышались толстые кожи, деревянная и костяная посуда, кубки и чаши из оникса, резные стулья, столы, шкафы, бронзовые и оловянные кувшины. Последние Саатхеб специально указал привязывать на самый верх,

чтобы их могли увидеть все встречные пахари. Золота и электрума[1 - Электрум – сплав золота и серебра.] в добыче редко когда оказывалось достаточно, чтобы люди могли его разглядеть издалека – вот и приходилось хвастаться тем, что есть.

За повозками по три в ряд тащились пленницы. Локти их были стянуты за спиной и прочно связаны, отчего грудь выпячивалась вперед и представлялась вдвое соблазнительнее, нежели была на самом деле. Следом за сестрами, женами и дочерьми тянулись рабы: полностью обнаженные, пыльные, усталые, униженные, с серыми лицами. Замыкали походную колонну еще две сотни воинов в белых платках и льняных юбках, с высокими плетеными щитами и длинными копьями на плечах. Мечей простым солдатам не полагалось, а потому, помимо короткого бронзового наконечника, им приходилось рассчитывать только на топорик, повешенный через плечо на веревочную петлю, и деревянный нож с обсидиановым лезвием.

Пленников оказалось больше ста, а потому Саатхеб с гордостью вел отряд обратно в Неб, стараясь проходить города и крупные селения днем. Пусть видит народ Кемета богатую добычу, пусть знает, что Великий не дремлет и продолжает простираť свою руку, защищая покой и порядок на ближних и дальних землях; что племена шасу, посмевавшие противостоятъ воле Нефелима и грабившие путников и купцов на путях в Симмеси и Симуру, более не существуют. Служители Хаоса повержены, покой и порядок вернулся на берега Зеленого моря[2 - Зеленое море – ныне Средиземное море.]. Пусть пахари и писцы, номархи и жрецы видят: Сошедший с Небес силен и решителен. И может быть, они заметят и молодого военачальника, который сумел, имея под рукой всего три сотни копейщиков, уничтожить втрое большие толпы врагов и взять с грабителей огромную добычу.

«Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, наверняка позволит мне взять часть добычи, дабы вознаградить за победу, – подумалось Саатхебу. – Тогда я смогу купить себе дом на окраине Неба, новую одежду и женюсь на прекрасной Ин-Мари, дочери сандальщика из Намры, что уже не раз выказывала мне знаки своего расположения. Нефелим редко оставляет себе военную добычу. Его интересуют только пленники. Пленники...»

Молодой военачальник стремительно повернулся к закату. Ослепительный Ра уже касался краем горизонта. Это означало, что знойный день вот-вот сменится

холодной, как застывшая вода, ночью.

– Тель-Ну-Намра! – окликнул он полусотника, шедшего с передовым отрядом. – Прикажи воинам ослабить путы пленникам. Здесь их никто не увидит. Не хочу, чтобы у рабов отсохли руки.

– Слушаю, номарий, – склонился в почтительном поклоне крупноносый и темнокожий, как нубиец, копейщик.

– Подожди, – остановил полусотника Саатхеб. – Видишь дорогу вдоль полей? Поворачивай отряд туда.

– Но эта дорога уводит в пустыню, номарий, – неуверенно указал Тель-Ну-Намра.

– Я знаю, – кивнул Саатхеб. – Мы не успеем попасть к крепости Намра до темноты. Не хочу, чтобы рабы замерзли. Пока светло, отгоним их за поля и соберем в кучу. Так теплее. Копейщикам я разрешаю брать шкуры и стелить на песок.

– Слушаю, номарий.

Поняв смысл приказа, полусотник повеселел, принялся грозно покрикивать на подчиненных. Впрочем, те и сами оживились, поняв, что скоро смогут спокойно отдохнуть. Даже волю ускорили шаг, втягиваясь на узкую дорожку между оросительной канавой и ровными прямоугольниками еще зеленых хлебных полей. Они ждали водопоя и кипы зеленой травы, положенной им в конце каждого дня.

Пахнувшая тиной, черная и сальная от речного ила, плодородная земля отступала от берега всего на пять стадий – дальше разливы Нила не достигали, а потому ячейки полей сменились сухой и жесткой глиной, чуть присыпанной еще горячим песком. Пока горячим...

– Здесь становитесь! – указал на неглубокую выемку Саатхеб.

Сюда, под небольшую дюну, увенчанную горкой камней, ветер задуть не сможет. Все меньше пленники замерзнут. Хорошо бы их еще напоить горячей

водой – но где взять дрова для костра? Кемет – это не дикие земли, населенные не знающими порядка племенами. Здесь не бывает ничейного дерева, ничейной земли, ничейной воды... Послать сотника к местному старосте? Но для обогрева почти четырех сотен людей костров понадобится немало. Найдется ли столько дров в маленьком селении? И сколько золота попросят за это местные пахари? Они сами, наверное, привозят топливо из-за Второго порога, а то и вовсе жгут сушеный навоз...

Между тем беззаботные воины сгоняли в общую толпу пленников, заталкивая мужчин в середину, а пленниц помоложе оставляя с краю – дабы легче вытащить, когда ночью захочется женской ласки. Они предвкушали сушеную рыбу с хлебной лепешкой, хмельное финиковое пиво, сладкое лоно покорных рабынь – и тяжелые мысли военачальника обходили их стороной.

За копейщиков Саатхем не тревожился. Эти и поедят сытно, и в шкуры завернутся, и согреться сумеют, коли озябнут. А вот пленники... Голые, связанные, полуголодные, усталые, мечтающие о смерти. Но не поить же их пивом?! Не кормить же рыбой и мясом, как честных слугителей Нефелима?! И развязывать на ночь тоже нельзя. Как бы не разбежались в темноте. Что же придумать? Ведь замерзнут к утру, заболеет половина, часть и вовсе передохнет. И будет ему тогда наградой вместо славы победителя насмешки стражников и снисхождение советников. И не получит он ни домика в три этажа, ни зеленоглазой дочери сандалщика...

– Согласись, номарий, в этом нет справедливости.

Саатхем вздрогнул от неожиданности и отступил в сторону от подошедшего к нему жреца Небесного храма. Тощий и бледный, как обтянутый пергаментом гепард, обладающий такой же бесшумной походкой и кошачьей вкрадчивостью, слугитель богини мертвых[3 - Следует помнить, что вплоть до второго тысячелетия до нашей эры египтяне помещали мир мертвых на небеса, и лишь в эпоху Среднего царства он переместился под землю. Возможно, это связано с утратой понятия о небе как черном безжизненном космосе.] вдобавок носил длинный балахон из богопротивной верблюжьей шерсти[4 - «Нечистой» в Древнем Египте считалась, разумеется, любая шерстяная ткань, а не только верблюжья.], а потому не вызывал у честных подданных Великого ничего, кроме отвращения.

– Великий принес на Землю порядок и закон, номарий, – усмехнулся жрец, заметив реакцию Саатхеба, – но так и не подарил смертным справедливости. Разве это правильно, если никчемным дикарям, взятым на копье в грязных пещерах, будет позволено лицезреть номархов и советников Сошедшего с Небес, касаться кожи, волос, одежды тех, кого честный египтянин видит лишь издали и только по большим праздникам? Разве справедливо, когда рабы, всю жизнь служившие Хаосу, селятся во дворцах, которые честные египтяне видят лишь издали, из-за высоких оград, из-за широких протоков? Каждый день лицезреть мозаики, росписи, украшения, предназначенные услаждать взгляд Великого и его советников? Ты ведешь к ногам Нефелима презренных пленников – но не возвысятся ли они после этого выше любого из честных служителей Великого.

– Не смущай мою душу,IZEKIEL, – скрипнул зубами Саатхейб. – В любой поступке Сошедшего с Небес больше мудрости, нежели во всех ваших храмах! Неужели ты собираешься позволить презренным чужестранцам касаться нашей священной земли? Вспарывать ее плоть мотыгами, черпать воду великой реки, срезать выросший на наших полях хлеб? Этой чести достойны только уроженцы нашего прекрасного Кемета! Удел рабов – мыть полы во дворцах, умащать тела номархов маслом, услаждать их своим телом либо жертвовать собой во имя их покоя. Или ты думаешь, что свободный египтянин станет менять сальные факелы в ночных коридорах, застирывать чужие туники или работать в дни священных праздников? Дикари ленивы, злобны и кровожадны, они не умеют ни работать, ни беречь содеянное чужими руками. А коли так, то почему не отправить их в далекие южные или северные пределы, чтобы они за кусок лепешки отдавали по воле Великого свои никчемные жизни в схватках с еще более дикими племенами? Ужели ты хочешь посылать туда уроженцев Кемета? Поливать их кровью неведомые тропки в краях, еще не признавших руки и воли Сошедшего с Небес?

– Ты хорошо помнишь уроки Мудрого Хентиаменти, – скривился жрец. – Но, как я вижу, сам ты родился здесь, на берегах Нила. И копейщики твои – не нубийцы и не шарданы. Зачем же ты жертвуешь их священными жизнями?

– Тебе не удастся обмануть меня, IZEKIEL, – покачал головой Саатхейб. – Мы находимся на святых землях Кемета, во владениях Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью. Неужели ты думаешь, что дикарю и чужеземцу будет позволено обнажать здесь оружие и проливать чью-то кровь? Те, кто недавно посмел это сделать, ныне

бегут в моем обозе, моля своих богов о милости Великого. Удел дикарей – сражаться ради нашей славы в диких землях, а не здесь, среди святилищ.

– Тогда почему здесь, на святой земле, покой Великого и его номархов охраняют не дети Кемета, а смуглолицые уроженцы Элама и чернокожие вивиты?

Номарий вздохнул. Он никак не мог понять, почему жрец Небесного храма выбрал именно сегодняшний вечер – последний вечер победоносного похода, – чтобы попытаться кинуть червоточину сомнений в его душу. Разве Великий не выстроил мир наиболее прекрасным и справедливым образом? Разве он не раздвигает границы порядка в самые дальние пределы? Зачем же сомневаться в правильности закона? Зачем искать мелкие огрехи в подвалах огромного прекрасного храма? Мелкие сомнения приводят к большим изменам. Потому что измена никогда не бывает маленькой.

– Я удивляюсь, что Великий напитал мудростью не только храмы Ра, Таурты, Птаха и Маат, но и темные Небесные храмы, прославляющие смерть и мучения.

– Мудрость – это всегда мудрость, номарий, – скривил свои бледные губы жрец. – Нет знаний плохих и хороших. Есть только просто мудрость. Смертным важно знать не только то, когда поднимется на небесный свод ослепительный Ра либо когда разольется Нил. Им нужно знать и то, куда они направят стопы, замкнув круг жизни, как им сохранить живыми свои души, как спросить совета у умерших или спасти от исчезновения еще не родившихся детей. И кстати, что-то я не замечал, чтобы в воинские походы ходили слуги Ра, Нехбеты или хотя бы Птаха. Советники Нефелима почему-то посылают нести волю Великого именно нас, жрецов смерти.

Это было правдой. Неизменными спутниками каждого воинского подразделения были писец Нефелима и служитель великой черной Аментет, хозяйки мира мертвых, женщины с человеческой головой. Среди сотников даже бытовала присказка, что самый маленький военный отряд не может иметь копейщиков, поскольку в него войдут только писец и жрец Небесного храма. Хранители всех прочих знаний предпочитали держаться подальше от смерти, крови и страданий.

– А почему ты выбрал служение именно богине смерти, Изекиль? – примирительно спросил Саатхеб. – Может быть, тебе больше хочется ходить в

походы, а не приносить жертвы? Тогда приходи к нам в Намру, врата крепости открыты для всех.

– Для всех ли, номарий? – криво усмехнулся жрец. – Прежде чем принять твое приглашение, отважный Саатхеб, хочу сказать, что я родился в шестой день сезона ахет[5 - Ахет – сезон с июня по ноябрь.].

– А, вот оно в чем дело... – пробормотал воин. Дата рождения Изекиля меняла все дело. Саатхеб отлично помнил, что, согласно старинным приметам, всем мальчикам, родившимся в четвертый, пятый и шестой дни ахета, предрекалась смерть от лихорадки или пьянства. Принять такого на службу означало наклепать мор на весь гарнизон крепости либо на весь отряд, в котором ему предстояло воевать. – Значит, в других храмах тебе отказали в учении?

– Смерть не обходит стороной и хижины смертных, и дворцы номархов, и храмы богов, – пожал плечами жрец. – Ее боятся везде, кроме Небесного храма. Ведь Небесный храм остается ее домом.

– Весь поход меня мучает один вопрос, Изекиль... – Номарий приподнялся на носки сандалий, наблюдая, как воины разбивают лагерь. Пленников, как и было приказано, согнали в плотную кучу и связали спина к спине. Так им и теплее, и убежать труднее. Кормить и поить не стали – чтобы не гадили под себя и чтобы больше об утренней еде думали, а не о бегстве. Вокруг рабов замерли с копьями, но без щитов десять караульных. Остальные копейщики, побросав на землю взятые в разоренном разбойничьем селении кожи, уже расселись десятками, пуская по кругу большие бурдюки с пивом и деля рыбу. Еще несколько караульных Тель-Ну-Намра поставил снаружи, за пределами лагеря. Молодец, догадался. Конечно, отряд находился в родных землях – но меры предосторожности должно принимать всегда, даже ощущая себя в полной безопасности. Хороший номарий вырастет из полусотника.

– О чем ты хотел меня спросить, Саатхеб? – напомнил о себе жрец.

– Прости, – спохватился воин. – Я хотел тебя спросить, к какому народу ты принадлежишь? Я никогда не видел людей с таким цветом кожи. Коли ты чужестранец – как смог стать учеником Мудрого?

– Сколько тебе лет, номарий? – ответил вопросом на вопрос Изекиль.

– Я видел уже двадцать восемь разливов, жрец.

– Я тоже, номарий. – Служитель Аментет зябко завернулся в свой серый балахон. – Двадцать восемь разливов. Но ты уже командуешь отрядом, водишь его в походы, отчитываясь лишь перед всевидящей Маат и Сошедшим с Небес, а я так и остаюсь мелким служкой при Мудром Себеке. Никто и ничто, затерявшийся в сумраке Небесного храма.

– Я хожу в походы уже десять лет! – резко оборвал его Саатхеб. – Я вышел в Мертвый поход на шиллуков простым копейщиком, а вернулся полусотником, оставшись единственным выжившим из своего десятка. Я плывал с Мудрым Саккатом за Зеленое море в Великий Северный поход и заслужил его похвалы за отвагу и решительность. Трижды я проливал кровь во славу Великого, дважды меня вымолили из Небесного храма лишь милостью Маат! Сам Мудрый Хентиamenti принял меня после похода за Зеленое море и повелел заказать пророчество о моей судьбе. После излечения от раны я получил титул советника при номархе Намры, а затем меня представили самому Великому Правителю, Сошедшему с Небес и Напитавшему Смертные Народы Своей Мудростью! Он назвал меня великим воителем и самолично направил в поход на грабителей шасу! Как ты смеешь намекать, что я слишком молод для своего звания?!

– Напротив, номарий! – возразил жрец. – Я говорю, что ты достоин своего звания, несмотря на возраст. Нефелим послал тебя в битву, дав впятеро меньше сил, нежели это необходимо, однако ты все равно принес ему победу. Но поверь мне, я достоин возвышения не менее тебя. Я зубрю мудрость Великого, подаренную им Небесному храму, днем и ночью, отказывая себе во сне. Я не отказываюсь ни от каких обрядов и молений, я хожу во все походы, которые назначаются храму. Но ты в свои двадцать восемь лет уже номарий, а я – всего лишь один из учеников Мудрого Себека.

– Может быть, Мудрый Себек лучше понимает, какого звания ты достоин? – усомнился Саатхеб. – Или ты не смог обратить на себя его внимания?

– Смог, – усмехнулся жрец. – Два года назад я попытался провести обряд обретения бессмертия. У меня ничего не получилось, только кожа стала белой, как утреннее облачко. Мудрый долго меня рассматривал, после чего сделал более близким учеником. Но ничего не сказал. Ни похвалил, ни упрекнул.

– Зачем тебе бессмертие, Иезекиль? – удивился воин. – Ты же не бог. У тебя все равно нет их силы. Ты всего лишь застрянешь в этом жарком, голодном мире. Неужели тебе не хочется получить свою десятину на полях Блаженства?

– Ты опять забываешь, что я родился в шестой день ахет, номарий, – вздохнул жрец. – После того как меня сожрет мор или отравит пиво, сколько станет весить мое сердце, отважный Саатхеб? Что станет с ним, когда Анубис в присутствии Тота и сорока двух демонов положит его на весы? Я скажу тебе: его выбросят к уродливой Амамат, пожирательнице Дуата. Поэтому для меня нет и никогда не будет полей Блаженства. И этот мир, каким бы ни был он несовершенным, останется для меня лучшим из миров. Особенно если я научу Амамат не пожирать мое сердце, а служить ему, если я приведу человеческие племена к покорности всесильной Аментет, если возвеличу ее имя превыше всего и заслужу ее расположение.

– Как бы ты ни возвеличивал имя богини смерти, Иезекиль, Сошедший с Небес всегда останется выше, – покачал головой номарий. – И только он станет вершить порядок в этом мире.

– Я помню об этом, Саатхеб, – слащаво-вкрадчивым тоном ответил жрец. – Но и ты не забывай, что мудрости вхождения в мир мертвых, словам верности всесильной Аментет нас научил Великий. Небесный храм – часть его мудрости, частица знаний, переданных Нефелимом смертным. Возвеличивая свою богиню, я служу его воле...

Между тем ослепительный лик Ра скрылся в бескрайних песках на западе, по ту сторону великой реки. Сразу потянуло прохладой. Пока еще это был влажный воздух с Нила, но Саатхеб знал, что скоро пустыня остынет, и после полуночи с нее подует студеной воздух, заставляющий людей трястись от холода и кутаться во все одежды, какие только есть.

– Приходит время ночных богов, Иезекиль, – передернул плечами номарий. – Если не хочешь простыть – иди, поешь хлеба, запей пивом, постели себе что-нибудь на песок.

– Благодарю за совет, отважный Саатхеб, – резко отвернулся жрец, – но я не прикасаюсь к хмельным напиткам.

– Прости, Изекиль, – спохватился воин, – я совсем забыл... Скажи, а твоя кожа теперь останется такой белой на всю жизнь?

– Нет, – все так же глядя в сторону, ответил служитель Аментет. – За двести-триста лет она должна немного потемнеть.

– Двести лет? – Номарий рассмеялся. – Разве смертный способен переждать такой срок?

– Разве я не говорил, что не намерен покидать этого мира? – спокойно ответил жрец. – За эти годы я нашел свою ошибку, отважный Саатхеб.

– Я рад за тебя, – кивнул номарий. – Надеюсь, ты не обидишься, если я покину тебя. Мне хочется поесть, и я мерзну.

– Ты не боишься лишиться своей славы, отважный Саатхеб? Что скажет Мудрый Хентиamenti, если половина пленников прибредут в Неб больными, а треть вообще околет на последнем ночлеге?

Слова жреца настолько точно повторяли мысли молодого военачальника, что тот чуть не споткнулся.

– Здесь нет деревьев, чтобы развести костры, как на берегу Зеленого моря, – спокойно продолжил Изекиль. – Здесь нет храмов Сехмет, помогающей воинам. Твои пленники слабы и унылы. Треть из них не дотянет до утра, а остальные застынут до костей, если ты не найдешь способ согреть всех.

– Я положусь на милость Птаха. Он сохранит...

– Не-ет, номарий. Нечего просить богов о милости, чтобы они загладили твой и только твой грех. Пленников не первый раз гонят в Неб по этой дороге. Ты задержался в Тель-Амарне, чтобы пройти город не на рассвете, а днем. Ты хотел, чтобы жители Кемета увидели твою добычу, оценили твою победу. Ты хотел услышать их приветствия, увидеть их восхищение. И только поэтому обоз не успел в столицу до темноты. Сошедший с Небес милостив. Он умеет прощать смертным слабости. Но только тогда, когда это не вредит воле и делу его. Ты погубишь пленников и вместо почета найдешь кару.

– Это неправда!

– Ты пояснишь это Мудрому Хентиamenti, Черному Псу Нефелима. Ведь это он решился показать тебя Великому? Значит, он отвечает за тебя перед Нефелимом. И будет строго следить за тем, чтобы ты его не опозорил.

– Это неправда, – сжал кулаки Саатхеб.

– Иди и расскажи это Джед-Птах-Иуф-Анху, писцу Нефелима. Ты думаешь, он так глуп, что не понял того же, что понял я?

Номарий почувствовал, как по телу его прокатилась горячая волна – словно ночной мрак сменился полуденным зноем. Его победа, его мастерство, его судьба – все катилось в гниющую выгребную яму. И всего лишь из-за одного мелкого проступка. Десять лет честной службы, внимание двух советников, благоволение самого Великого... Такое не всякому выпадает даже один раз в жизни. Неужели все рухнет, все окажется зря?

– Зачем ты рассказываешь мне это сейчас, Изекиль, служитель храма смерти? – тихо, одними губами прошептал Саатхеб. – Почему не поторопил в стенах Тель-Амарна?

– Потому что мне нужна жертва, – так же тихо ответил жрец. – Отдай мне пятерых сильных пленников, и я сохраню тебе остальных.

– Как?

– Какая тебе разница, номарий? Разве тайное знание Небесного храма стало для тебя интересным? Ты все равно не успеешь постичь даже малой толики за то время, что отвели тебе боги. Даже мне придется потратить еще очень много лет, чтобы достичь звания советника. Мудрый Изекиль... Иногда мне кажется, что у меня не хватит на это терпения...

– Ты просишь у меня пять пленников, за каждого из которых я отвечаю перед Великим. Джед-Птах-Иуф-Анху вписал на страницы своего папируса каждого, и за каждого мне придется отвечать по счету.

– Рабов никогда не удастся довести всех, отважный Саатхеб. Среди них оказываются раненые, больные, слабые, упрямые... Потерей пятерых пленников из ста тебя не посмеет попрекнуть никто. Но если ты приведешь только половину...

– Я никогда не изучал тайное знание советников Великого, Изекиль, – повысил тон номарий, – но мне много лет приходится командовать людьми. И я хорошо чувствую, когда меня пытаются обмануть. Скажи, как ты собираешься сохранить рабов, – или убирайся в лагерь. Я не подарю тебе пленников просто так.

– Хорошо, – согласился жрец, – я скажу. Силу двух пленников я возьму, чтобы выстроить вокруг лагеря шатер на все время тьмы. Силу еще троих рабов я заберу себе. Я понял, в чем ошибся, когда проводил обряд два года назад. И теперь хочу попробовать еще раз. Но мне нужны три жизни.

– Нет, – решительно вскинул бритый подбородок Саатхеб. – Эти жизни принадлежат Великому, и я не стану раздаривать их на прихоти слугителей смерти.

– Они все равно сгинут, номарий, – укоризненно сказал Изекиль. – Они сгинут в холоде ночи, и силу, что копилась в телах десятками лет, ветер бесполезно развеет среди песков. Отдай мне пятерых, воин. Взамен я сохраню полусотню. Нет, я сохраню всех. Но если ты не решишься пожертвовать частью – потеряешь половину.

– Ты специально промолчал утром, чтобы вечером выдавить из меня жертву, – понял Саатхеб. – Вот вы каковы, искатели мудрости из храма Неба. Вероломство – имя отца вашего, и ложь – мать ваша! Ты ничего не получишь с меня, Изекиль. Ничего! Жизни пленников, взятых мною по воле и именем Сошедшего с Небес, принадлежат Нефелиму, и пусть судьбу мою решит воля богов. Богов, а не твоя, презренный недоучка!

Воин далеко обогнул жреца, чтобы случайно не коснуться шерстяного плаща, и быстрым шагом пошел к веселящемуся лагерю.

Копейщики, словно и не было долгого тяжелого перехода, смеялись, рассказывая друг другу побасенки и запивая их пивом; на дальнем краю под аккомпанемент двух систров пели песни, размахивая недоеденными лепешками,

чуть дальше, в сумраке, слышались прерывистые женские стоны. Номарий останавливать воинов не стал. Он знал, что пива из Тель-Амарна было взято не так много, чтобы люди потеряли разум и не смогли собраться в строй при первых признаках опасности. Знал и то, что завтра они вернутся в крепость, охраняющую подходы к столице, и потянется скучная, однообразная гарнизонная жизнь. Воины Нефелима имеют право не только на службу, но и на веселье – особенно после удачного похода. Немного пограбить, немного поразвлечься с покорными пленницами, немного попить пива с друзьями и попеть песни – иначе ни у кого не появится желания уходить на битву за много сотен стадий от родных стен. Военачальник, не способный понять таких простых вещей, никогда не получит среди копейщиков ни любви, ни верности. Строгость в походе, снисходительность на отдыхе, умение жертвовать малым ради достижения главной цели. Казалось бы – совсем простой рецепт удачливого номария. Но почему-то так редко удается удержаться на тонкой грани, в которую сходятся все эти правила...

– Отважный Саатхеб! – Джед-Птах-Иуф-Анху, сидевший, поджав ноги, на соломенной циновке, чуть приподнялся с маленькой подушечки, взмахнул рукой. – Сделай мне честь, номарий, подели со мной последнюю трапезу в этом походе. Думаю, завтра задолго до полудня мы войдем в высокие ворота Неба, и пути наши разойдутся к разным храмам. Я смиренно побегу к ногам справедливой Маат сдавать свои папирусы, а ты преклонишь свои колена пред Мудрым Хентиаменти в ожидании справедливой награды...

Глядя на рыхлое тело писца, было трудно поверить, что тот способен куда-то бежать. Пухлые ноги с тонкими перетяжками возле колен, такие же руки, одутловатое лицо. На протяжении всего похода он либо опирался на край арбы с припасами, либо вообще ехал на ней, прижимая к мягкому животу две чернильницы, деревянный чехольчик с писчими тростниковыми палочками и толстый свиток папируса. Может быть, поэтому долгое путешествие не помешало ему сохранить в первозданной чистоте заглаженную в мелкую складочку[6 - Говоря русским языком, это называется плиссировкой. Плиссированная одежда считалась в Древнем Египте очень престижной и ее носил каждый, кто обладал достаточными для такой покупки средствами.] тунику из тонко выделанного льна, отвислые щеки и набитые благовониями ароматические трубочки, вплетенные в длинные золотистые кудри. Кушал чиновник Нефелима тоже не лепешку с рыбой, а вареного цыпленка, выложенного на тарелку из голубоватого фаянса, и запивал его чем-то из небольшой глиняной фляги, слепленной в виде спящей антилопы. Номарий сразу вспомнил слова покойного отца: «Будь писцом! Это избавит тебя от грязной

работы, защитит от непосильного труда. Не будут стоять над тобой многочисленные хозяева и бесчисленные надсмотрщики. Писец сам не делает ничего, а лишь надзирает над всеми работами на священной земле Кемета...».

Увы, отдать в учение седьмого сына, равно как и выделить ему наследство, отец не смог. И пришлось юному Саатхебу войти во врата крепости Нарма в надежде на милость Сехмет, покровительницы воинов, и собственную отвагу, которые только и могли поднять его из нищеты к славе и богатству.

– Сиут, поставь тарелку номарию, – подозвал писец мальчишку-ученика, – положи ему курицу, что я купил в Эль-Хамаре, достань чашку из слоновой кости, которую мне подарила просительница из Ниблоса...

Еще никогда в жизни молодому воину не приходилось есть с драгоценного фаянса, однако он не подал виду и, кинув перед чиновником чей-то щит, опустился напротив чиновника, поджав под себя ноги.

– Вот, попробуй... – Джед-Птах-Иуф-Анху откупорил флягу и наполнил чашку пахнущим розами напитком темно-красного цвета. – Это вино. Его привозят шарданцы из страны Апи. Тамошние дикари не умеют делать ничего, кроме вонючего сыра, золотистого ягодного масла и вот этого напитка. Если бы не милость Великого, их бы уже давно истребили северные скасты, но Нефелим, похоже, тоже умеет ценить маленькие радости и запрещает всем вторгаться в эти земли.

– Благодарю за честь, досточтимый Джед-Птах-Иуф-Анху. – Воин осторожно взял легкую чашу из тонкой слоновой кости своими пальцами, привыкшими с силой сжимать древко копья и рукоять тяжелого щита, поднес к губам, сделал маленький глоток. На вкус незнакомый напиток оказался вяжущим, чуть кисловатым и... И каким-то необычно теплым.

– Не торопись, – посоветовал писец. – Но пока не трогай курицы. Вино нужно пить на пустой желудок, только так можно в полной мере ощутить его вкус и воздействие.

– Благодарю за честь, – еще раз кивнул номарий. – Никогда не пробовал ничего подобного.

– Честь для меня, отважный Саатхеб... – Джед-Птах-Иуф-Анху оторвал от своего цыпленка ножку и принялся ее неторопливо обглаживать. – И не нужно меня благодарить, я делаю все это из самой обычной корысти.

– Угощаешь меня дорогим вином и курицей из корысти? – вскинул голову воин. – Наверное, я плохо тебя расслышал.

– Нет, ты услышал правильно. – Обсосав кость, чиновник небрежно зашвырнул ее в пески. – Через пару лет, когда ты будешь возвышенным, богатым и приближенным к Великому номархом, пьющим апское вино каждый день, утром и вечером, тебе понадобится умелый писец, чтобы пересчитать добро, переписать кладовые, чтобы следить за работниками и давать им указания. Может быть, тогда ты вспомнишь толстого ленивого смертного, который впервые угостил тебя вином. И если не захочешь позвать меня самого, то хотя бы спросишь совета, где найти честного и хорошо обученного служителя.

– Почему ты думаешь, что через два разлива я стану номархом? – Саатхеб ощутил в горле холодок от столь близкого величия и нервно опрокинул в рот чашку с вином.

– Потому что уже очень, очень давно и хорошо выполняю свою работу. – Джед-Птах-Иуф-Анху вцепился толстыми пальцами в грудку цыпленка и, вырвав ее целиком, начал обглаживать прямо из пятерни. – Не так много номариев в твоём возрасте командуют армиями. Пусть маленькими, но своими. Не многие из них способны истребить полтысячи служителей Хаоса, потеряв всего пять десятков копеечников. И далеко не многие номарии способны привести к ногам Нефелима по одному рабу на каждых двух своих воинов. Кто-то поверил в тебя, отважный Саатхеб. Поверил настолько, что рискнул тремя сотнями копеечников и одним толстым писцом, дабы проверить твои способности. Кто это был, номарий? Жрецы храма Сехмет? Кто-то из Мудрых? А может, на тебя соизволил взглянуть сам Сошедший с Небес?

– Да, – признал Саатхеб, – Великий видел меня. Мудрый Хентиamenti призвал меня к нему во дворец.

– Ты видел Великого?! – вскинулся писец. – Ты его видел своими глазами? Каков он, номарий? Скажи мне, как он выглядит, что говорит?

– Он огромен, – полуопустив веки, ответил воин. – Он так велик, что даже лежа превышал меня почти вдвое. А рост его таков, что, выпрямись он, окажется выше самой древней пальмы. У него прекрасная кожа цвета юного хлебного ростка. Она полупрозрачна и напитана светом. Он вообще не говорит, но разум его столь могуч, что даже я, смертный и необразованный копейщик, ощутил его мудрость и понял его волю, хотя и не услышал ни звука.

– Ты видел Сошедшего с Небес, – не столько с завистью, сколько с восхищением вздохнул Джед-Птах-Иуф-Анху, немного подумал, а потом откупорил флягу с драгоценным вином, разлил его в две чашки, кивнул, приглашая воина взять свою. – Вот видишь, отважный Саатхеб, сам Нефелим поверил в тебя. Он правит миром уже двадцать веков, а потому не может ошибиться в смертном. Если в тебя поверил даже Великий, то как могу я усомниться в этом? Ты будешь величайшим из воинов Кемета, и я прославлюсь лишь тем, что смогу называть твое имя среди своих знакомых. Когда ты приведешь обоз в Неб, когда Великий узнает о твоей победе и увидит, сколько пленников ты привел, тебе будет доверено вдесятеро больше копейщиков и ты получишь во много раз более важный приказ. И награда твоя окажется такой, что я готов подписаться тебе на службу хоть сейчас, номарий. Всего один переход – и ты сам не догадываешься, что ждет тебя впереди.

Толстяк неторопливо, маленькими глоточками выпил вино, отклонился в сторону, черпнув песка и вытерев им руки, после чего закрутил головой:

– Сиут! Где ты шляешься, бездельник?! Забирай курицу. Можешь ее доесть, я больше не хочу. Но сначала принеси мне накидку, здесь становится холодно.

У чиновника изо рта шел пар – а значит, ночь уже вступила в свои права, выстужая безжизненные просторы. Стало быть, к полуночи станет еще холоднее, а к утру...

Номарий отогнал нехорошие мысли, взял с тарелки и разорвал курицу, с удовольствием поглощая вкусное белое мясо. Мальчишка, ученик писаря, крутился неподалеку, видимо, рассчитывая на объедки и от Саатхеба, но воин по впитавшейся в кровь привычке обсосал все до последнего хрящика – ведь еды никогда не бывает слишком много.

Лагерь потихоньку утихал. Копейщики начинали похрапывать: кто – завернувшись в толстую циновку и прикрывшись накидкой, кто – сбившись по несколько человек под одной шкурой. По коже побежали мурашки. Номарий, вытерев руки о песок, поднялся, подошел к караульным, следящим за пленниками. Те, согреваясь, прогуливались из стороны в сторону, крутили руками. Рабы, связанные спина к спине, сидели недвижимо, лишь с губ срывались облачка легкого пара.

– Посмотри на ту женщину, – прозвучал шепот в самом ухе. – Она вся трясется от холода. А рядом с ней маленькая девочка. Она сидит спокойно. Но не потому, что ей тепло. У нее не осталось сил даже на то, чтобы озябнуть. Она засыпает, чтобы отдать свое сердце на весы Анубиса, а тело оставить в этих песках. Они обе не доживут до утра. А сколько еще таких окажется среди твоих пленников? А сколько из них утром начнут кашлять, покроются крупными каплями пота, не смогут сами переставлять ноги...

– Уйди, Изекиль, – тряхнул плечом номарий. – Это ты, ты промолчал нынче утром.

– Я промолчал, – согласился жрец. – Но это ты задержал выход. А за свои ошибки нужно платить, отважный Саатхеб. Платить всегда. Вот только сколько? Можно отдать пять пленников мне, а можно половину – моей всесильной госпоже Аментет. Я все равно останусь тебе благодарен. Но будет обидно, номарий, если великая добыча превратится из гордости в позор победителя шасу.

На этот раз Саатхеб промолчал, глядя на сидящих на песке обнаженных людей. Сидящих на холодном песке.

– Я бы попросил у тебя меньше, номарий, – так же тихо продолжил Изекиль, – но меньше никак не получается. Когда еще у меня появится новая возможность получить человеческую жертву? Для обретения бессмертия мне нужны трое людей. Еще двое – чтобы защитить всех прочих от холода. Ну же, номарий. Ведь жрецы Небесного храма идут с войском как раз для того, чтобы поддерживать его своей мудростью. Отдай мне приказ спасти пленников от холода – и я исполню его, отважный Саатхеб. Ты же воин, номарий. Так пожертвуй малым, дабы спасти все.

Девочка, привязанная к женщине – наверное, к матери, – уже спала. Родительница тоже перестала дрожать и закрыла глаза. Дыхание ее было

слабым, почти неощутимым. Значит, утром не встанут обе. И еще многие.

«А ведь второй возможности не выпадет, – с внезапной ясностью понял Саатхеб. – Не так много времени у Великого, чтобы дважды награждать вниманием одного и того же полусотника».

Значит, вместо новых походов, вместо слуг, богатого дома и любимой жены он получит крохотную хижину сотника в какой-нибудь далекой забытой крепостице или заставе на торговой тропе. Придется доживать свой век там, одному, вспоминая миг величия, который прошел мимо и который он упустил из-за мелкой оплошности. И еще из-за того, что ему до мозга костей ненавистен жрец в шерстяном балахоне, считающий за честь служить богине смерти. Почему он должен жалеть пятерых рабов, если рискует потерять половину?

– Защити лагерь от холода, – все еще с неуверенностью пробормотал номарий.

– Что? – не поверил внезапному согласию жрец.

– Защити мой лагерь от холода, Изекиль, – на этот раз четко и решительно произнес Саатхеб. – Приказываю тебе защитить на ночь от холода всех моих пленников и воинов, жрец Небесного храма. Я хочу, чтобы к утру никто из них не попытался сказать хворым и слабым. Ты меня понял, Изекиль?

Служитель всесильной Аментет встретил холодный и твердый взгляд номария и почтительно склонился:

– Слушаю и повинуюсь, господин.

Жрец отступил на шаг, выпрямился и решительно направился к пленникам. Он толкал их ногами, дергал за волосы, заставляя поднимать головы, вглядывался в глаза.

– Ты и ты, вставайте... – пнул он пару широкоплечих мужчин, повернулся, ткнул пальцем еще в пару: – Вы тоже вставайте. Еще мне нужна женщина... Вот ты, вставай. Выходите к караульным.

Первым делом он привязал молодую женщину спиной к широкоплечим мужчинам, отвел чуть в сторону и приказал сесть. Потом вернулся к паре, выбранной второй, обошел вокруг, удовлетворенно сказал:

- Ваших сил хватит...

В руках жреца блеснул короткий серебряный нож, годный разве на то, чтобы резать печеное мясо. Иезекиль, примериваясь, еще раз обошел рабов, после чего, заунывно напевая на непонятном наречии, стал быстрыми движениями вырезать прямо у них на коже крупные иероглифы. Пленники тихо постанывали, но кричать считали ниже своего достоинства. Караульные и номарий с интересом наблюдали за странным обрядом.

Внезапно душераздирающий крик одного из мужчин заставил поднять головы весь лагерь - а жрец торопливо побежал вокруг лагеря, вычерчивая на песке широкую окружность. Причем делал он это пальцем руки - отрезанной и еще подергивающейся человеческой руки!

Закончив полукруг, Иезекиль оставил руку на земле, быстро пересек лагерь, деловито отрезал руку у второго пленника, не обращая внимания на его вопли. Двигаясь в противоположном направлении, нарисовал второй полукруг и, уложив вторую руку рядом с первой, вернулся. Накинул на шею жертв веревку и принялся ее закручивать, бормоча заклинания. Пленники захрипели, выпучивая глаза - а когда стало казаться, что они уже задохнулись, жрец внезапно отпустил петлю. Оба шасу сделали глубокий вдох - в тот же миг серебряное лезвие вскрыло обоим горло. Кровь потекла на песок - очерченная отрубленными руками линия начала темнеть, над ней закачалась странная пелена, похожая на туман. Номарий ощутил влажную духоту - но одновременно и то, что холод попятился, остался по ту сторону заговоренной черты.

- Никто не должен переступить круга до самого восхода, - громко сообщил снаружи Иезекиль. - Иначе заклятие потеряет силу и его придется творить заново. Пусть ваша ночь будет спокойной, смертные...

Он кивнул Саатхебу, направился к трем последним жертвам, с ужасом ожидающим своей участи. Что делал служитель богини смерти, какие заклятия творил - через туманную пелену было не разобрать. Но внезапно между связанными спина к спине рабами вспыхнуло высокое алое пламя. Несчастные

задергались, вопя от боли – но вырваться из лап мучителя не могли.

Изекиль громко и радостно запел, воздев руки и вскинув лицо к небу, словно жрецы бога Ра, приветствующие восхождение светила, – только молитва служителя Аментет не сулила радости никому.

– Великий и мудрый, – судорожно сглотнув, пробормотал Саатхеб, – зачем ты дал нам эти знания? Разве нужны они смертным? Разве мы способны с ними совладать? Не делай нас равными богам, о Великий. Мы не в силах поднять такой ноши...

Воин со всей искренностью возблагодарил судьбу за то, что она одарила смертных великим и могучим правителем, обитающим на острове перед первым порогом и способным своей мудростью, силой и волей остановить любую беду, покарать и удержать в стенах отведенного ему храма любого мудреца. Саатхеб еще не знал, что Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, устал. Что он погрузился в глубочайший из снов, который продлится сорок веков. И что он, молодой номарий, вернувшись в Неб, в качестве награды получит право сопровождать Нефелима в последний путь, в усыпальницу, которую еще только надлежит выстроить в далеких и холодных, но спокойных землях неведомой Гипербореи.

Москва, подземелье Боровицкого холма.

20 сентября 1995 года, незадолго до полудня

Сумрачный алтарный зал, облицованный грубым красным кирпичом, не мог похвастаться хорошим освещением. Здесь не было ни ламп, ни держателей для факелов или подсвечников, никто и никогда не приносил сюда фонарей. Лишь крупный камень, служащий основанием для круглого стола из цельного дубового спила, излучал слабое белесое свечение, словно закрывал собою окно к ослепительно-чистому небу.

Впрочем, для тех, кто ступал в это не очень большое помещение, сумрак, похоже, не доставлял особого неудобства. Гости входили через семь узких пещер – часть помещений были выложены кирпичами или известняком, некоторые походили на наспех сделанные в глине подкопы. Люди,

собирающиеся в пещеру, тоже мало походили друг на друга. Разве только тем, что моложе тридцати здесь не встречалось никого. Люди в джинсах и деловых костюмах, худощавые и упитанные, священники и бритоголовые в желтых сари, высокие и карлики – они иногда кивали друг другу, обозначая знакомство, изредка обнимались, а порой сторонились друг друга, неприязненно отворачиваясь.

Впрочем, посетителей подземелья объединяло еще одно. Никто из них – хотя среди людей оказалось несколько женщин и пара глубоких с виду стариков – не посмел сесть ни на одно из трех кресел, что стояли возле стола. Когда в зале собралось немногим более семи десятков гостей, человеческий поток иссяк. На пару минут повисла тяжелая тишина. Гости выжидающе переглядывались, но вслух пока ничего не говорили, стараясь держаться ближе к стенам.

Наконец из восточного входа показались трое коренастых, совершенно обнаженных, плечистых человекообразных существ с желтыми глазами, в которых темнело по два зрачка. Один из них нес тяжелую алюминиевую двадцатилитровую канистру, которая своей обыденностью резко контрастировала с неправдоподобно бледным телом, не имеющим сосков и гениталий, однако никому и в голову не пришло улыбнуться столь странному зрелищу. Вслед за желтоглазыми, устало переставляя ноги, вошел их хозяин – в длинной мантии из тяжелой парчи, перехваченной наборным поясом из чуть желтоватой кости. Голову его полностью скрывал большой капюшон, передний край которого свисал чуть не до уровня носа.

Стражники обошли алтарь, их властелин приблизился к столу, опустился на ближнее из кресел, облокотился на столешницу, придвинул ноги к светящемуся камню, прижавшись к нему голеньями и коленями. И опять в зале надолго повисла тишина.

– Алтарь начал слабеть. – Тяжелый вздох человека в мантии наконец прервал молчание. – Сколь себя помню, никогда не был он столь слаб и холоден. Ни в Смуту Великую, ни при нашествии бесовском, ни при войнах кровавых. Слабеет алтарь, слабнут его нити, землю русскую сшивающие.

Человек откинул капюшон, открыв голову. Коротко стриженные седые волосы, усталые глаза, глубокие морщины на гладко выбритом лице выдавали в нем глубокого старика – куда более глубокого, нежели любой из присутствующих здесь старцев.

– В неурочный час собрал я вас здесь, дети мои, – тихим голосом произнес старик. – Не первый век каждый месяц, в ночь, когда Луна из небытия начинает новый рост, собираетесь вы сюда, чтобы получить живительную энергию от нашего алтаря. Энергию любви смертных к своей Родине, к своей столице, что стекается сюда незримыми потоками. Я верю в то, что каждый из вас в меру сил своих отвечает на этот дар деяниями, направленными на усиление этой любви и благо земли нашей. Все вы были учениками либо моими, либо учениками учеников моих. Либо учениками друга моего Ахтара, коим я верю, как ему самому. Никто из вас не родился в этом веке, а потому знаете вы, какова была жизнь ранее на землях наших и каковы беды на нее за последний век обрушились.

– И по чьей вине это случилось, Великий Славутич? – внезапно спросил кто-то из гостей.

– Я от вины своей не отрекаюсь, – возвысил голос старик. – Ошибку свою признаю. Устал я, други, а потому токмо совесть моя меня здесь держит. Исправить глупость свою желаю. А как уйдет беда, то и я с ней уйду, место свое оставлю. Но ныне не обо мне речь, о земле нашей...

Славутич поднялся, чуть отступил от стола, склонился, уткнул палец в землю и начал пятиться, рисуя линию. Повернулся, потом еще и еще, пока линия не замкнулась в почти правильный прямоугольник. Старик с облегчением разогнулся, отошел в сторону, кивнул своим странным слугам. Янтарноглазое существо открыло канистру, перевернуло, выливая содержимое в очерченный прямоугольник. Вода, упершись в линию, как в прозрачную стену, не растеклась, а стала подниматься, заполняя отведенный объем.

Наконец слуга отступил. Славутич простер над колышущейся поверхностью руку. Алтарный камень под столом налился светом, и в тот же миг над водой появился туман, который, нарастая, становился все гуще и гуще и наконец собрался в плотный шар. Вскоре на сфере проступили четкие очертания земных континентов, морей, островов. Потом стали проявляться тучи. Почти незаметные там, где не успели обжиться люди – над пустынями, джунглями, у полюсов, над центральной Австралией, – они образовали плотный слой над прибрежными районами, Евразией, Америкой, Африкой. Серые, черные, коричневые, красные облака клубились, сверкали золотыми искрами. Временами то тут, то там проплывали золотые и серебряные звезды, мелькали метеоры.

– Сюда смотрите, други, – указал старик на место, где должна была располагаться Россия. Не было там видно ни рек, ни озер, ни городов, поскольку заполняла это пространство черная и липкая, как расплавленный деготь, чернота. – Видите, други? Пришла сюда к нам погибель. Раскрылись пред Родиной нашей врата Дуата, торжествуют в ней черные духи и демоны, колдуны чужие, слуги богини смерти и ужаса. Казалось мне, истребили мы их всех без малого шестьдесят лет назад – ан нет, лезут снова со всех щелей, кровь русскую проливают невозбранно, души крадут, в рабство братьев наших гонят. Землю отцовскую топчут твари двуногие без роду и племени, с островов али из-за морей приплывшие, власть свою насаждают, честь и совесть в народе истребляя. Не осталось ныне у нас ни силы, ни друзей, ни союзников. Силу нашу обманами заморочили, голодом высосали. Люд обнищал несказанно, ни о чем, окромя хлеба насущного, помыслить не способен. Друзья наши в дикую стаю перекинулись, смерти нашей ждут, дабы первыми кусок жирный от плоти нашей оторвать. Союзников сами мы по глупости нашей растеряли. Не осталось у Руси Великой ни одной опоры более, кроме вас, ведуны да знахари. Вас она силой своею вскормила, вам веками энергию свою отдавала, вам великую мудрость от предков наших передала. К вам обращаюсь, дети мои. Дни считанные Родине предков наших жить осталось. Некому более мор страшный остановить, кроме вас. Могилами отцов и прадедов ваших призываю: отдайте! Отдайте земле русской то, что она вам отдавала. Сложите силы свои, сложите энергию свою, сложите жизни свои. Ударьте светом по темноте смертной, сотрите жизнью ужас полуночный...

– Чьим именем ты призываешь нас, Великий Славутич? – выступил вперед мужчина лет сорока, наголо бритый, но с короткой бородкой, в потрепанных джинсах и кожаной куртке-косухе. – Каждый из нас клятву Кругу приносил. Ты здесь один. А что скажет триумвират?

– Триумвират будет против, – покачал головой старик. – Потому как я один, а вина моя велика. И знаю я, что ждет вас, други мои, коли услышите вы обвинение в клятвopеступлении. Но разве нужна вам жизнь, в которой не станет более Руси нашей? Кем вы сделаетесь тогда? Кому служить будете, от кого силу получать? Может, ако ироды заморские, жертвы приносить начнете и кровь живую пить? Агнцев невинных над жаровнями вертеть и глазами выпученными любоваться? Куда ты пойдешь, Всадник, коли Русь, тебя вскормившая, от корней отринется и блудливой девкой от хозяина к хозяину метаться начнет?

– Ты, козел старый, во всем виноват! – повысил голос бритый. – Ты Изекиля Черного в Круг впустил, ты нас всех повиновать ему заставил! Ты из каждого клятву клещами вытягивал. Чего ради, Великий Славутич? Теперь плату за это с нас же взять пытаешься?

– Вы, дети мои, мною обманутые, плоть от плоти Руси нашей, душа и сила ее. Дни судьбу Отчизны нашей решают, а может, и часы последние. Может быть, ошибся я, принял грех тяжкий на душу свою, за кой мир весь ныне расплачивается. Но не хочу я жить без земли своей... – Славутич обошел прямоугольник, встал к бритому спиной, глядя на вращающийся почти у самого лица шар. – Убей меня, Всадник. Под общей защитой мы живем, а потому спасти меня от твоего удара не сможет никто. Убей и похорони Отчизну общую нашу. Убей. Убей – или встань рядом! И отдай все, что только сможешь.

– Убью, – пообещал Всадник. – Убью при первой возможности. Но кровь твоя не в грязь никчемную пролиться должна – на землю русскую. От крови предателей она только крепче становится. Умрешь, когда грех искупишь...

Колдун запахнул куртку, подошел к Славутичу, презрительно сплюнул ему под ноги и взял за руку. Следом от стены отделилась худощавая барышня лет двадцати, поправила на носу очки в тонкой металлической оправе, подошла к Всаднику:

– Извините, пожалуйста... – и взяла его за руку.

– Всякий иногда ошибается, – кашлянул дородный священник в монашеском клобуке. – За ошибки каяться надобно, искупать. Но и исправлять тоже.

Он подошел к шару и встал слева от Славутича.

– Влипли мы все, – в тон ему добавил пожилой мужчина со шрамом через лицо. – Но исправлять, кроме нас, некому.

– Надеюсь, Круг завтра же не переломает то, что мы сегодня делаем, – добавил другой, в длинном драповом пальто.

Посвященные один за другим отделялись от стен и сходились к шару. Ближний круг сомкнулся меньше чем через минуту, и каждый следующий чародей клал руку на плечо впереди стоящего. Вскоре вокруг низкой емкости с водой образовалось нечто, похожее на солнце с пятнадцатью расходящимися лучами.

– Именем Сварога, прародителя нашего, – зашептал Славутич, – именем Исуса[7 - Исус – написание имени Христа до Никоновской реформы.], бога нашего, именем Словена, основателя нашего. Прими, земля, силу живую, прими свет ясный, растопи холод нутрянной, разгони погань черную, смой грязь смертную. На море-океане, на острове Буяне живут три брата, три ветра: один северный, другой восточный, третий западный. Унеси, ветер северный, сухоту и ломоту, усталость и леность. Унеси, ветер восточный, горе-печаль, слезы тяжкие, думы долгие. Унеси, ветер западный, дурной глаз, дурное слово, дурное дело. Унеси, откуда принес, положи, где взял. Проснись, земля русская, встань под небом синим, очистишь солнцем жарким, пробудись воздухом сладким...

Славутич поднял голову и сделал глубокий вдох, потом другой, третий, стремясь пропустить воздух до самой дальней клеточки, разбудить всю свою силу до последней искорки. Собравшиеся в пещере колдуны стремились попасть с ним в такт – и скоро все «солнце» дышало одним ритмом, одной силой, словно единое, цельное существо.

«Двадцать три, – мысленно отсчитывал Славутич, – двадцать четыре, двадцать... Пора!!!»

Он, подавая пример, вскинул руки, упершись в колышущийся совсем рядом шар – а следом в сферу уткнулись еще четырнадцать кулаков. И огромная фигура из полных сил, опытных, умелых чародеев в едином порыве ударила всей имеющейся у них энергией в сгустившийся над Россией мрак, выплеснув ее в едином дружном призыве:

– Вста-ань!!!

Гиперборея, Ледяной край (будущие Соловецкие острова).

3815 год до н. э.

Ветер дул с моря, неся с собой холодные, как ночной песок, капли, насквозь пробивающие ткань и растекающиеся по телу. Озноб стал обычным состоянием для почти полутора сотен гребцов, строителей и воинов, отправившихся сюда по воле Мудрого Хентиаменти для сооружения самого северного из лабиринтов Ра, что должны напитывать силой земли вокруг усыпальницы Нефелима. И хотя на берегу неподалеку от вытащенных на берег кораблей непрерывно полыхали огромные костры, что сожрали за двадцать дней половину леса, ухитрившегося вырасти на безжизненных скалах, согреть людей не могло ничто.

Изекиль зябко передернул плечами, плотнее запахнул шерстяной плащ. Хотя и влажная, шерсть уберегала его худое тело от холода. Однако прочие путники, по дикости своей считавшие одежду жрецов Небесного храма нечистой, тряслись в тонких льняных накидочках без всякой надежды на облегчение. И все они, все до единого были обречены. Силы, накопленные смертными за годы детства, юности, зрелости, тратились с невероятной стремительностью, и восстановить их не могли ни горячие напитки, ни обильная пища, ни обряды, что каждый день проводил учитель, Мудрый Себек. Отворачивая их от врат Дуата и весов Анубиса, главный служитель Аментет мог только отсрочить неизбежное – но никак не отвратить его.

Впрочем, теперь это уже не имело никакого значения. Лабиринт был готов. Узкие высокие валы, застеленные золотой фольгой; освященные полуденными знаками камни, выложенные поверху; извилистые ходы, призванные втянуть в себя и направить в глубь земли свет и тепло, что льются с небес, даруя жизнь. Один из многих, он будет стоять многие века, превращая просторы вокруг усыпальницы Великого в один огромный алтарь света и жизни. Для того, чтобы в Сошедшем с Небес сохранилась жизнь. Чтобы он проснулся не в мертвой пустыне, а среди лесов и садов.

Изекиль отвернулся от сверкающего, подобно золотой ладье Амон-Ра, сооружения, обогнул торчащие выше его роста бурые скалы, по вытопанной за два десятка дней дорожке дошел до лагеря, остановился перед костром, протянул к нему свои белые руки. Жаркое пламя обожгло кожу, но жрец не шелохнулся, и уже через пару мгновений над плащом за клубились клубы вонючего пара. Буквально на глазах ткань высохла, служитель богини смерти развернулся, подставляя огню спину – и наткнулся взглядом на взгляд отважного Саатхеба, обнаженные руки которого посинели от холода.

– Иди сюда ближе, номарий, – предложил Изекиль. – Если ты не позаботишься о своих конечностях, они почернеют и отвалятся. Как тогда станешь служить Великому?

– Великому более не нужна моя служба, – угрюмо ответил воин, однако сделал пару шагов к костру. – Великий ушел. Его больше нет. Зачем теперь руки? Зачем теперь нужен я?

– Ничто не вечно, отважный Саатхеп, – возразил жрец. – Не могло быть вечным его правление, не станет вечной и его смерть. Он проснется, номарий, можешь мне поверить.

– Когда?

– Не скоро, номарий, – покачал головой Изекиль. – И не один раз за это время сердце твое успеет лечь на весы справедливости, еще не раз Анубис будет возносить над ним руку, выбирая для него путь. Может – на поля блаженства. Может – в пасть непобедимой Амаат. А может – обратно сюда, в этот мир. Чтобы ты смог заслужить право на вечность. Хочешь, я избавлю тебя от этих испытаний? Всего один обряд – и я назову твое имя самой Аментет. Ты шепнешь ей свое желание, и она проведет тебя тайными тропами туда, куда пожелаешь. Правда, сначала тебе придется умереть.

– И чего ты хочешь за свою мудрость, жрец Небесного храма?

– Неужели ты сам не понимаешь, что нужно моей богине? – усмехнулся Изекиль. – Ты отдашь мне две жизни, я открою для тебя тайные врата. Разве это не справедливо?

– Я не боюсь весов Анубиса, – холодно ответил воин. – И приму его волю, как свою.

– Воля Анубиса, – кивнул жрец и многозначительно добавил: – Но вот мир... Мир мертвых принадлежит Аментет. И нет в нем исключений ни для раба, ни для великого Ра, дарующего жизнь.

– Изекиль, мальчик мой, иди сюда...

Услышав голос учителя, жрец моментально сник: сдвинул вперед плечи, опустил голову и быстрым шагом заспешил к кораблям. Ему навстречу в высоком цилиндре из пробкового дерева, в плотной пурпурной накидке с длинными просторными рукавами, двигался по широким сходням верховный жрец Небесного храма; старик с бесформенным лицом, кожа с которого свисала крупными складками, опирался на посох из покрытой лаком и украшенной яшмой вишни. Запястье служителя Аментет украшали массивные золотые браслеты, украшенные символами смерти, иероглифами «З» самого разного размера и начертания, переплетающиеся между собой. С шеи свисало изображение Амагат, пожирательницы Дуата – с крокодильей пастью, львиной гривой, кошачьими когтями и ногами носорога.

– Слушаю, Мудрый Себек, – приблизившись к учителю, низко склонил голову жрец.

– Возьми... – Старик отдал посох ученику и дальше пошел, опираясь на его плечо.

Изекиль знал, куда они направляются – к широкому бурому гранитному валуну, лежащему меж скал. Верховный жрец проводил тут много времени, особенно перед закатом. Он даже повелел строителям высечь на обеих скалах по знаку богини – после чего смертные начали сторониться этого места.

Путь в три сотни шагов занял немного времени. Верховный жрец тяжело опустился на камень, прикрыл глаза и глубоко вздохнул:

– Как я устал, мой мальчик, как я устал.

– Прости меня, Мудрый Себек, – облизнув губы, склонил голову Изекиль. – Но мне кажется, что ты тратишь слишком много своих сил на поддержание смертных. Ты сам учил меня обрядам извлечения сил смерти. Почему бы не пожертвовать парой гребцов или строителей? Их сила смогла бы поддержать тепло в границах лагеря и дать возможность отдохнуть остальным. Ты спасаешь всех, Мудрый, но и ослабевают тоже все.

– Жаль, жаль, судьба не дает мне возможности закончить твоё обучение, – сморщился старик. – Я возлагал на тебя большие надежды. Когда я узнал, что ты попытался получить бессмертие, я понял, что ты способен мыслить по-своему,

мыслить не как все. И подумал, что, может быть, ты станешь наилучшим продолжателем нашего дела, займешь мое место. Жаль. Если бы ты прошел весь путь мудрости до конца, то не задавал бы таких вопросов. Но я могу попытаться ответить тебе кратко. Дело в том, что сила копится в человеке годами, а тратится в один миг. Используя эту силу, мы станем истреблять смертных быстрее, нежели они успеют родиться и вырасти. И мир превратится в пустыню, в которой никому не понадобятся знания и тепло, полученные таким образом. Мы не должны использовать такое знание всуе. Наоборот, наш долг применять мудрость во имя того, чтобы силы мертвого мира помогали живым.

– Но если делать это хотя бы изредка, когда условия становятся и вовсе невыносимыми?

– Нет, мой мальчик, – отвечал старик. – Достаточно переступить черту только один раз, и после этого уже не остановишься. Впрочем, я позвал тебя не для пустых споров. Я хочу сказать тебе, служитель Изекиль, что в нашей судьбе настает великий момент. Мы наконец сможем лицезреть всемогущую Аментет, припасть к ногам ее и произнести слова восхищения.

Жрец вскинул голову, внимательно вслушиваясь в слова учителя.

– Да, Изекиль, для нас пробил великий час. Я говорил сегодня с Черным Псом, который закончил алтарь Амон-Ра над усыпальницей Великого. Дабы придать лабиринтам силы, завтра, с первыми лучами утра, мы иницируем алтари. Все, одновременно. Ты знаешь, как это делается. Но ради освящения, ради покоя Сошедшего с Небес пролить кровь и взять силы жизни не станет большим грехом. И еще. Дабы не погрузить в Хаос землю без присмотра Великого, Мудрый Хентиamenti решил, а все мы одобрили... Мы заберем у смертных знание, которое принес нам Нефелим. Оно слишком велико, чтобы оставлять его без присмотра Великого. Завтра с первыми лучами все алтари здешних земель иницируют Мудрые. Мы все одновременно уйдем к весам Анубиса и спасем покой мира, оставив его слишком слабым, чтобы уничтожить самого себя.

– Не делай этого, Мудрый Себек, – упал перед стариком на колени Изекиль и с мольбой схватил его за руку. – Не делай этого! Ты вместо отца мне был все эти годы. Моя мудрость – твоя мудрость, моя жизнь – твоя жизнь. Не уходи к госпоже нашей. Подумай, Мудрый Себек, если все верховные служители уйдут к весам Анубиса, то кто сможет сравниться знанием с нами, служителями всемогущей Аментет?! С нами останется все знание мира, вся его сила и

могущество! Только от нас смертные будут получать блага этой жизни, только Аментет будут они молиться, только ей воздвигать храмы и приносить жертвы! Такой возможности не появится у нас никогда более во все века! Молю тебя, Мудрый Себек, согласишься со мной! Сделай это!

– Мой мальчик... – Верховный жрец отнял у Изекиля свою руку и погладил его по голове. – Мой мальчик, я не ошибся в тебе. Если бы ты занял мое место, ты поднял бы значение Небесного храма на высоту, недоступную прочим Мудрым. Ты обеспечил бы всемогущей Аментет величие, несравнимое даже с почитанием сияющего Ра или Амона Сокровенного. Но судьба... Судьба против такой удачи. Завтра на рассвете ты совершишь обряд инициации алтаря, окропив его камень моей кровью и произнеся заклинание укрощения силы. Ты и только ты – ибо ты самый способный и любимый из моих учеников. А затем ты окропишь эту землю своей кровью, ибо знание твое очень велико. Хотя ты еще не получил посвящение и не сравнялся знанием с Мудрыми, но тебе все равно слишком опасно оставаться среди смертных. Капли твоего знания будут подхватываться ими тут и там и становиться оружием и властью. Ты должен уйти к госпоже нашей, всемогущей Аментет и укрыть свою мудрость у ног ее.

– Но почему, почему?! – вскочил Изекиль. – Почему ты не хочешь вознести славу нашего храма, нашей богини, раз у нас появляется такая возможность, Мудрый Себек?!

– Остановись, мой мальчик и послушай своего учителя, – приподнял палец правой руки старик. – Ты чтишь нашу богиню и готов ради нее на все, и это хорошо. Но ты забываешь, что главное в нашем мире – это не храмы, а порядок. Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, создал этот мир и простер над нами руку, чтобы люди не проливали ничьей крови, а строили города и засеивали поля, чтобы рыли шахты и возвеличивали храмы. Мудрость всемогущей Аментет – лишь часть общей мудрости, и в ней нет смысла, если рухнут прочие храмы и исчезнет рука Великого. Мы должны сделать этот мир прекрасным, чтобы в тот час, когда братья и сестры Великого спустятся с небес, их сердца бы преисполнились радостью. Чтобы в смертных они нашли честных слуг и почитателей, а не злобных убийц, готовых вцепиться в ближнего своего. Во имя величия Небесного храма и по воле Нефелима принесли мы порядок на берега Жемчужного и Зеленого морей, на острова великих океанов, в дальние земли к истокам Нила. Наше служение всемогущей Аментет – лишь часть общего служения, мой мальчик. В нем нет смысла, если Великий спит, а прочие Мудрые скрыли до его

пробуждения свое знание. Мы обязаны поступить точно так же, дабы не допустить перекоса силы и мудрости, дабы не допустить Хаоса... Жаль, жаль, я не смог отдать тебе всего, что успел познать за свою жизнь. Ты бы понял сам. Но теперь мне не сделать этого уже никогда. Нам с тобой остался всего один рассвет, мой мальчик. Последний рассвет.

Утро выдалось тихим и безоблачным, словно дикие земли затаились в ожидании таинственного обряда. Море замерло глянцевой гладью, подобно полированному граниту, листва деревьев безжизненно обвисла, бабочки и мухи затаились в их коре и расщелинах скал, и даже кузнечики, что постоянно стрекотали со всех сторон, ныне замолкли, словно их никогда здесь и не бывало.

- Пора, - разорвал тишину Мудрый Себек и поднялся с камня. Иезекиль тоже выпрямился, взял посох верховного жреца, но тот покачал головой: - Не нужно, мой мальчик. Мне он больше не понадобится.

Старик оперся на плечо ученика и медленно побрел вслед за ним. Они вместе ступили в лабиринт, не торопясь прошли всеми его позолоченными изгибами и к тому моменту, когда небо начало светлеть, остановились возле выпуклого алтарного сердца. Мудрый Себек снял с шеи амулет с пожирательницей Дуата - символ своей власти в Небесном храме, - протянул его ученику. Затем вынул из-за пазухи плоский нож из прочной розовой вишни, с острейшими обсидиановыми вставками по краям лезвия, поцеловал:

- Друг мой верный. Много раз служил ты мне в жизни и обрядах всесильной Аментет. Не подведи меня и сегодня.

Старик протянул ритуальный нож ученику, подобрал полы накидки, опустился на колени, поднял глаза к безбрежной выси. Небо продолжало медленно, очень медленно светлеть - не то что в родном Кемете, где рассвет наступает почти мгновенно. Мудрый Себек терпеливо ждал, но Амон-Ра никак не желал подниматься над горизонтом, и верховный жрец не выдержал:

- Я устал, мой мальчик, - тихо произнес он, закрывая глаза. - Сделай это. Пора.

Иезекиль положил левую ладонь ему на лицо, закрывая рот и нос, дабы души не выскользнули из тела раньше времени, и быстрым движением резанул учителя

по горлу. Тот вздрогнул, вскинул было руки, но справился с собой и вскоре безвольно обмяк. Жрец наклонил тело вперед, окропляя кровью алтарное сердце, а когда парной поток иссяк, положил старика на камень лицом вниз, разведя ему руки и ноги в стороны, придав телу звездообразную форму. Послышался низкий хрип – это души покидали мертвую плоть, наполняя лабиринт Ра божественной силой.

Служитель богини смерти, выложившись во время обряда до последней капли, сел рядом прямо на землю, уронил нож и закрыл лицо ладонями. Только что из его жизни ушел учитель, передавший ему бесценные знания. До этого он лишился Великого, что многие века направлял волю земных народов, указывал пути строительства Кемета, учил смертных жить и трудиться. Да и сама родина осталась где-то далеко на юге, в неведомой дали. Еще никогда, никогда в жизни Изекиль не ощущал внутри себя столь огромную, безнадежную пустоту. Рука опустилась вниз и нащупала ритуальный нож. Зачем теперь жить? Ради чего?

В этот миг грудь его ощутила легкий удар. Изекиль скосил глаза вниз и увидел золотую Амамат, пожирательницу Дуата, что свисала с левого запястья. Символ власти верховного жреца Небесного храма. Служитель богини смерти внезапно сообразил, что отныне он стал самым обученным и высшим по званию жрецом храма. Более того, если несколько мгновений назад все Мудрые истратили свою кровь и силу на освящение десятков алтарей на разных островах вокруг усыпальницы – то он, верный слуга всемогущей Аментет, становится самым мудрым и образованным смертным на земле!

– То есть я могу сделать культ богини Небесного храма высшим и единственным для людей! – Изекиль поднес амулет верховного жреца к глазам, полюбовался им, а затем повесил на шею. Отныне этот символ принадлежал ему по праву. Жрец поднял нож и направился к выходу из лабиринта. – Спасибо тебе, великая! Ты подарила мне этот мир, и я брошу его к твоим ногам. Пройдет десяток лет, и никто не вспомнит имен иных богов, кроме тебя.

Однако, выйдя на поросшую низкой травой полянку перед алтарем, служитель богини смерти увидел два десятка копейщиков во главе с отважным Саатхебом. Здесь же стоял и номарх Ипувер – начальник маленькой флотилии, ушедшей от усыпальницы Нефелима к самым северным островам.

– Почему ты вышел, жрец? – хмуро спросил номарий. – Мудрый Себек упредил нас, что никто из жрецов Кемета не переживет этого утра.

– У меня есть важные дела, смертный, – положил Изекиль руку себе на грудь, на символ власти.

– Ты не исполнил своего долга перед Великим, – холодно ответил номарий.

– Какой еще долг, Саатхеб? – поморщился служитель Небесного храма. – Ты что, не понял? Отныне я, Мудрый Изекиль, являюсь верховным жрецом. А теперь собирай людей и садитесь на корабли. Мы отплываем.

– В тебе нет ни совести, ни чести, – прищурился номарий, – и ты недостойн носить звание жреца какого бы то ни было храма. Кроме того, Мудрый Себек указал, что ни один из служителей богов не должен пережить этого утра.

Воин отвел руку в сторону, и один из копейщиков с готовностью вложил в нее свою пику.

– Что ты задумал, отважный Саатхеб? – мгновенно осипшим голосом спросил Изекиль, но номарий не собирался произносить более ни слова. Он подошел ближе, резко выбросил вперед бронзовый наконечник.

Жрец увернулся, ловко отклонившись, но в тот же миг прочное древко ударило его с другой стороны в висок. Изекиль опрокинулся на спину, и в это мгновение тяжелая пика ударила его в грудь. Номарий выждал немного, после чего выдернул оружие, развернулся и зашагал к своим воинам.

Изекиль простонал от острой, обжигающей боли, сомкнул веки, готовясь увидеть свою всеильную, любимую богиню, снова открыл глаза, глядя в сухое, бледно-синее небо. Ничего не происходило. Боль оставалась, сердце перестало биться – но дыхание сохранялось, воздух, перемешанный с кровью, срывался со скривившихся от боли губ.

«Получилось, – с огромным удивлением понял Изекиль. – У меня получилось! Значит, я не зря сжег тех трех пленников, забирая их силу. Я больше не могу умереть!»

И он, застонав, начал подниматься на ноги. Копейщики загомонили, указывая на жреца руками. Номарий обернулся, покачал головой, вновь приблизился к

Изекилю и, когда тот выпрямился, вонзил пику ему в живот.

– Умри же ты наконец! – пробормотал он.

– Вот тебе! – Нанизанный на древко служитель богини смерти взмахнул рукой и вогнал ритуальный нож номарию в шею сбоку. – Я никогда не умру! Понял? Никогда.

Саатхеб застонал, стремительно теряя силы.

– Ты хотел убить меня, Мудрого Изекиля? – прошептал жрец, глядя ему в глаза. – Не будет такого. Никогда. Я проклиная тебя, воин. Не будет тебе покоя, пока я живу в этом мире. Ты будешь рождаться здесь снова и снова, и снова будешь биться со мной. Но никогда, никогда твоя хваленая честь и доблесть не смогут победить моего знания и обрядов Небесного храма. Ты будешь умирать раз за разом. И да будет так вечно!

Служитель всесильной Аментет выдернул из шеи воина нож – и тот рухнул на землю. Затем жрец вытянул копье, отбросил его и, кривясь от боли, хрипло захохотал. Несколько копейщиков, в ужасе бросив оружие, кинулись бежать.

– Куда?! – схватился за боевой топорик номарх. – Куда бежите?! Вперед, убейте эту тварь! Уничтожьте порождение Дуата!

Из двадцати копейщиков лишь семеро решились двинуться вперед, выставив щиты и опустив пики. Изекиль, продолжая смеяться и покачиваясь, раскинул руки, воздев лицо к небесам:

– Тебе посвящаю, всесильная Аментет!

Его ударили в живот – он шагнул навстречу, нанизываясь на копье. Рванул щит за край и вонзил нож воину в глаз. Тут же еще она пика вошла под мышку, вылезая с другой стороны – Изекиль схватил копейщика за руку, дернул к себе, полоснул ножом по шее. Увернулся от третьего копья, ударил...

Поняв, что убить жреца невозможно, остальные враги бросились в стороны.

– Куда? Куда бежите?! – орал Ипувер, не в силах загнать трусов в бой.

Большая часть воинов убежали в лес или к стоянке, еще несколько упали на колени и молились. Тогда номарх быстро подошел к жрецу, вытягивающему из себя копья, с размаху рубанул в основание шеи.IZEKILЬ и не подумал уворачиваться, вонзив в ответ нож противнику в живот. Потом выдрал топор и бросил на землю.

Он оставался жив! Он действительно стал бессмертным! Правда, все тело разрывалось от боли, из многочисленных ран текла кровь. Жрец сделал несколько шагов – и вдруг ноги его подкосились, он упал, больно ударившись скулой о торчащий камень.

«Я слабею... – понял ИZEKILЬ. – Я бессмертен, но силы мои не бесконечны. Я рискую ослабеть настолько, что не смогу шевелиться. И останусь лежать здесь... Навечно...»

Однако воля жреца оказалась сильнее плоти, он заставил себя подняться, а ноги – дойти до ближнего молящегося воина.

– Отдай... – прохрипел он, опрокидывая голову смертного, и впился в его рот губами, одновременно нанося удар ножом в грудь. Глубокий вдох позволил вытянуть из смертного, выпить все его силы. Жрец почувствовал себя лучше, двинулся дальше.

– Нет, нет... Не надо! – Второй копейщик откинулся на спину, попытался уползти, отталкиваясь от камней трясущимися руками. ИZEKILЬ упал на него сверху и впился в губы, колотя жертву ножом в бок.

Третий воин не посмел ни убежать, ни сопротивляться. Стоя на коленях, он только закрыл глаза, смирившись с неизбежным. ИZEKILЬ наклонился, сделал глубокий вдох – и мертвое тело осело на землю. Жрец на миг удивился – ведь он не успел нанести жертвенного удара. Но тут же сообразил: он, служитель Небесного храма, сильнее. А потому он смог вытянуть из смертного и силы, и души. А разве может плоть существовать без того или другого?

Теперь служитель всесильной Аментет чувствовал себя достаточно уверенно – хотя тело продолжала пронизывать непереносимая боль.

– Надо придумать обряд, который сделает тело неуязвимым, а не просто сохранит его существование, – пробормотал жрец, направляясь к стоянке кораблей. – Не то я могу остаться живым, но с отрубленной головой или ногами.

Здесь строители и гребцы то ли почувствовали что-то неладное, то ли до них успели добежать копейщики – но лагерь был пуст. Огромный костер догорал, превратившись в высокую, по пояс, груду дышащих жаром углей, пустые палатки полоскали на ветру парусиновыми пологами. Тут и там валялись забытые второпях глиняные тарелки, кувшины. Корабли стояли тихие и неподвижные, с убранными сходнями. Но жрец Небесного храма знал, чувствовал – на бортах прятались люди. Распластавшись на палубах, укрывшись за бортами или в кладовых, они рассчитывали остаться незамеченными, нетронутыми.

– Смертные! – громко и требовательно произнес служитель Небесного храма. – Я, Мудрый Иезекиль, верховный жрец всесильной Аментет, повелеваю вам спустить сходни, принять меня на борт и приготовиться к отплытию.

На судах не произошло ни малейшего шевеления, словно никто и не услышал слов нового повелителя. Жрец криво усмехнулся и, заметно понизив голос, сказал:

– Немедленно спустите сходни, смертные, или я обрушу на вас гнев всесильной богини смерти.

Люди все еще надеялись остаться незамеченными – никто не шелохнулся. Иезекиль сложил ладони, потер их одну о другую, готовясь выполнить заклинание огня, взмахнул руками в сторону ближнего корабля. Пламя вспыхнуло сразу на половине корпуса, с треском взметнувшись едва не до уровня мачты. Тут же на палубе заметались заживо испекаемые люди. Кто-то молил богов о пощаде, кто-то прыгал за борт, в воду, обжигающую холодом не менее страшно, чем карающий огонь. Иезекиль, уже успевший сегодня испить немало человеческой силы, всем телом ощущал, как из превращающихся в угли тел вытекает живительная, исцеляющая раны сила, как она, накопленная за долгие, долгие годы, выплескивается в единый миг – и с наслаждением впитывал ее, наращивая свое могущество, чувствуя, как ослабевают и отступает боль, а тело становится все более крепким и послушным.

Вскоре поток силы иссяк, пламя опало, разбившись на десятки отдельных огоньков, и жрец перешел к следующему судну.

– После того, как всемогущая Аментет покарала самых отъявленных отступников, я, Мудрый Иезекиль, снова вопрошаю вас: готовы ли вы, смертные, исполнить волю мою? Немедленно спустите сходни, примите меня на корабль и приготовьтесь к отплытию!

На борту послышалось шевеление. Появились взлохмаченные головы двух гребцов, а затем на влажный гравий упали широкие сходни с набитыми поперек тонкими рейками. Жрец презрительно усмехнулся, поднялся наверх, окинул взглядом палубу. Два десятка гребцов прятались под своими скамьями, затравленно глядя на него из-под сосновых досок; на корме еще несколько человек пытались скрыться за пологом навеса, который под лучами поднявшегося солнца просвечивал насквозь. Смертные, прах земной. Сосуды с силой, которые можно использовать на усмотрение всемогущей Аментет или ее жрецов; инструменты, способные понимать приказы и действовать по воле хозяина без его постоянного присмотра.

Иезекиль повернулся к острову, на котором оставался освященный алтарь Амон-Ра, десяток трупов и несколько десятков ослушников, посмеявшихся противиться его воли, перевел взгляд на третий корабль, потер руки, взмахнул. Взметнувшееся пламя вновь вызвало дикие крики боли и волну животельной силы, испускаемую погибающими людьми. Жрец Небесного храма, закрыв от удовольствия глаза, уже привычно впитал исцеляющие волны, полностью избавившись от боли и усталости, затем взмахнул рукой:

– Отплывайте от берега! Мы возвращаемся в Кемет.

Судьба прочих человечков, оставшихся среди безжизненных ледяных скал, жреца не интересовала. Раз они ослушались его – пусть сгинут, как позабытый в пустыне мусор. У Мудрого Иезекиля впереди было слишком много важных дел, чтобы отвлекаться на подобные мелочи.

Между тем гребцы, выбираясь из-под скамей, побежали на корму. Та просела в воду, нос поднялся над гравием, и судно начало медленно дрейфовать назад. Но слишком медленно – и потому один из смертных, с опаской пробравшись мимо жреца, поднял со скамей весло, оттолкнулся от берега. Корабль двинулся

веселее, и, когда он отошел на десяток шагов, гребцы начали расходиться на свои места, рассаживаться, выкладывая в прорези борта весла. Послышалась команда кормчего – смертные дружно налегли на рукояти, и за бортом зажурчала вода.

– Куда нам держать курс, Мудрый? – громко поинтересовался кормчий – широкоплечий нубиец с многочисленными шрамами на плече и неестественно вывернутой ступней.

– Назад, в Кемет.

– Но как туда доплыть, Мудрый? Курс нашим кораблям всегда указывал номарх Ипувер, да окажется его сердце легче перышка.

– Разве ты ее не запомнил, смертный? – грозно поинтересовался Изекиль.

– Прости, о Мудрый, – навалился на рулевое весло нубиец, – но я лишь прах у ног твоего раба. Я слишком глуп, чтобы помнить все, и потому не смог подняться выше кормчего. К тому же мы правили по очереди с Сабом Рыжим и потому давно запутались, в каком направлении идем. Он не раз поворачивал, пока я спал, и я поворачивал, пока...

– Умолкни, несчастный! – оборвал излишне болтливого моряка Изекиль.

В отличие от простых гребцов, он имел некоторое представление о том, где они находились и в каком направлении оставалась родина. Если верить карте, выложенной из драгоценных камней на стене дворца Нефелима в Небе, эти места напоминали собаку, что лежит на боку, вытянув лапы. Северный алтарь строился где-то у собаки под хвостом. Путей домой имелось два. Короткий – через многочисленные извилистые реки этого холодного края. Другой – вокруг «собаки» и всей земли за Зеленым морем к проливу в это самое море, а по нему – к Великому Нилу. Без подробных знаний, унесенных номархом в черный Дуат, разобраться в лабиринтах рек, озер, проливов и протоков было совершенно невозможно. Другое дело – открытое море, в котором не существует тупиков, водопадов и порогов. Даже если он промахнется на сотню-другую стадий, то всегда можно высадиться и разобраться, куда они попали.

– Плыви туда, – указал жрец на север. – Вскоре мы уткнемся в землю, пройдем вдоль нее несколько дней, а когда она отвернет резко влево, двинемся по прямой. Там мы снова увидим землю и вдоль нее дойдем до самого Зеленого моря.

– Слушаюсь, господин, – склонил голову нубиец, послюнил палец, поднял его, с сожалением покачал головой и яростно закричал: – Весла на воду! Где там парщик? Грести, грести!

Из-под навеса выбежал мальчишка с широким барабаном, обтянутым тщательно выскобленной кожей, сел в начале прохода спиной вперед и, преданно глядя на кормчего, принялся мерно бить в барабан большой колотушкой. Гребцы подладились под ритм, начали наклоняться вперед и взмахивать веслами одновременно, и судно ощутимо прибавило ход. Иезекиль пересек судно и остановился рядом с кормчим, глядя назад – на берег, где навеки остался его учитель. А также – Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью.

Иезекиля разбудили крики радости. Зевнув, он поднялся с травяного матраса, откинул полог навеса. Впереди, на самом горизонте, виднелось густое темное облако.

– Земля, о Мудрый, – сообщил чернокожий кормщик. – Ночью дул попутный ветер, мы прошли не меньше ста стадий.

– Это не просто земля, это мыс, – сообщил жрец. – Чтобы вернуться в Кемет, мы должны обогнуть его и плыть влево, на закат солнца. А сейчас поворачивай вправо.

– Слушаю, Мудрый, – кивнул кормчий. – Разрешите покормить гребцов, пока мы можем идти под парусом. Кормить их во время работы вредно, после еды они работают намного хуже.

– Меня зовут Мудрый Иезекиль, – напомнил служитель богини смерти.

– Слушаю, Мудрый Иезекиль, – моментально согласился нубиец.

Мальчишка, что половину вчерашнего дня бил в барабан, полез в люк носовой надстройки, вернулся с большой корзиной и побрел по проходу, раздавая гребцам по пригоршне фиников и кусочку сочащихся медом пчелиных сот. Пить моряки ходили сами – к поставленным на носу же пузатым кувшинам. Жрецу тампарщик тоже предложил общую порцию – но Изекиль не испытывал голода и отказался от угощения. Он попытался прикинуть, сколько времени должно уйти у него на дорогу домой. Расстояние от залива, в котором они строили алтарь, до «хвоста» было раза в три меньше длины «хвоста». «Спина собаки» – раза в три длиннее «хвоста». Если они добрались до земли на день и ночь, значит... Путь вдоль самой «псины» составит двенадцать дней. Потом еще примерно столько же – до пролива в Зеленое море.

– У нас хватит пищи на двадцать дней плавания? – повернул он голову к нубийцу.

– На двадцать, может, и хватит. – Кормчий выплюнул за борт финиковую косточку и пожал плечами. – Но больше вряд ли. И вода так долго не выстоит. Стухнет.

– Вдоль земли плыть будем, воду при случае наберем, – пообещал жрец. – Но вот еда... Хотя, коли Великий покорял земли за морем, стало быть, там обитают всякие народы. Чего-нибудь купим. Или займемся охотой.

– У нас нет ни единого воина, а народы за Зеленым морем дики и злобны, – предупредил нубиец. – Ежели копейщиков не увидят, то силой золото отнять захотят, торговать не станут.

– У вас есть я! – напомнил жрец. – Не захотят торговать – принесут даром.

– Прости, Мудрый Изекиль. Я глуп, – почтительно склонил голову кормчий, хорошенько зажал древко рулевого весла под мышкой и отодвинулся на несколько шагов, поворачивая судно вправо, вдоль совсем уже близкого берега, который порос черным непролазным лесом.

Ветер крепчал, поднимая волны, но корабль, умело связанный из священного нильского тростника, легко скользил по ним, с зловещим шипением срезая белые гребни и оставляя за кормой прямой, как стрела, пенный след. Как и предсказывал служитель Небесного храма, со следующего дня берег начал

медленно отворачивать влево. Гребцы, уверившись, что Мудрый Иезекиль действительно знает, куда их ведет, несколько успокоились. В их глазах рассеялся ужас, и они, пользуясь отдыхом, даже стали играть в карты и петь песни, подыгрывая себе на примитивных дудочках.

Кормчий в первый же вечер спросил разрешения на ночь отводить корабль к берегу и вставать на якорь, но жрец запретил это, понимая, что так дорога растянется почти вдвое. Поэтому в вечерних сумерках судно отворачивало мористее, дабы в темноте не налететь на скалы, а на рассвете снова приближалось к берегу, держась за него, как за путеводную нить.

Утром пятого дня Иезекиль разрешил сделать остановку и пополнить запасы воды. Спустив паруса, судно на веслах вошло в длинное извилистое ущелье между каменными отвесными скалами, населенными только крикастыми белыми чайками. Почти на десять стадий вглубь земли понадобилось пройти морякам, прежде чем отыскалось удобное для причаливания место. И здесь боги смилостивились над смертными, расположив ручеек со сладкой водой всего в нескольких шагах от камня, на который высунул свой нос корабль. Напившись вволю и залив кувшины по самое горлышко, гребцы, восхваляя мудрость и всезнание нового начальника, вернулись на скамьи и вскоре опять выбрались в серое колышущееся море. Здесь их встретили неведомые чудища – каждое размером с дворец; жуткие порождения холода то ныряли вглубь, то выскакивали на поверхность, выстреливая ввысь фонтаны воды. Но и здесь могущество служителя богини смерти уберегло путников – ни одно чудище не рискнуло приблизиться к судну и сожрать легкую беззащитную добычу.

Утром двенадцатого дня корабль, привычно отвернув к югу, чтобы найти берег, на протяжении многих часов скользил по пустынным волнам, но никаких признаков суши вокруг так и не нашел.

– Все в порядке, смертный, – успокоил кормчего Иезекиль. – Земля, мимо которой мы шли, это тоже мыс, только очень большой. Сейчас он повернул назад, рисуя «морду собаки». А впереди, примерно в четырех днях пути, лежат Дикие острова, до которых еще не дотянулся Порядок Нефелима, и земли за Зеленым морем. Поворачивай вправо и постарайся не потерять направления. Через четыре дня мы наверняка уткнемся хоть в какие-то берега.

Нубиец выполнил команду жреца без малейшего колебания, и могучий папирусный корабль двинулся на северо-северо-запад, борясь с неизвестным

еще людям теплым океанским течением. Никто – ни кормчий, ни Мудрый Изекиль, ни уж тем более гребцы и подумать не могли, что под сильным попутным ветром они уходят в море отнюдь не от морды «собаки», названной впоследствии Скандинавским полуостровом, а всего лишь от плотно скупенных и вытянутых в западном направлении Лофотенских островов, отстоящих от материка всего лишь на девяносто километров.

Уже утром море заставило смертных познать, что такое настоящий холод. Небо затянулось низкими черными тучами, почти совершенно не пропускающими света; пенные шапки волн, сдергиваемые порывами ветра, залетали на палубу и больно хлестали гребцов по дрожащим телам, без труда пробивая тонкие льняные туники. Чтобы хоть как-то согреть людей, кормчий несколько раз приказывал им спустить весла на воду и грести, разгоняя корабль до скорости стремительного жаворонка; но стоило прекратить работу хоть ненадолго, как холод опять вступал в свои права, забираясь под мокрую ткань и покрывая посиневшую кожу крупными мурашками.

К вечеру хлещущие по палубе капли начали застывать на мачте и бортах тонкой прозрачной коркой. Вырастала она и на канатах, на парусине, но при сильных порывах трескалась и опадала вниз.

– Дай смертным двойную порцию еды, – приказал кормчему Изекиль, наблюдая за этим кошмаром. – У тебя есть запасной парус? Пусть они соберутся все вместе и накроются парусиной. Так будет теплее. Пусть потерпят. Всего четыре дня, и мы попадем в теплые населенные земли.

Но пока вместо солнечных лучей с неба медленно повалились белые рыхлые хлопья, похожие на невесомые семена камышей – только, падая на кожу, они превращались в крохотные капельки воды. Очень скоро корабль оказался выкрашен в идеальный белый цвет, словно его натерли мелом из Алги-Храсской каменоломни. Кормчему мальчик принес грубую накидку, сплетенную из соломы, а потому похожую на циновку.

Сгустившийся сумрак заставил жреца уйти под навес, пологи которого защищали от ветра и странного белого пуха, но совершенно не давали тепла. Изекиль развязал пояс, распуская плащ, лег на матрац, подтянул ноги, пряча их под тонкую шерстяную ткань, сжал в кулаке символ своей верховной власти и закрыл глаза...

– Земля-я!

Услышав этот радостный вопль, жрец сорвался с постели и выскочил на палубу. Гребцы, прятавшиеся всю ночь под старым парусом, тоже выбрались наружу, напряженно вглядываясь вдаль. На невероятно чистом и ослепительно-голубом, словно над Нилом, небе сверкал желтым светом щедрый Амон-Ра. Волны еле колыхались, а ветер едва заставлял шевелиться обвисший парус. Кормщик-нубиец выбрался из-под низкой кормовой надстройки и выпрямился во весь рост, прикрывая глаза от света.

– Где? – непонимающе переспросил бледнокожий гребец, которого кормчий оставил вместо себя на время отдыха.

– Что-то есть... – опустил руку нубиец, и жрец увидел, как с его губ сорвалось белое облачко. – А ну, пусти меня на место... – Кормчий взялся за руль, громко рыкнул: – Хватит спать, бездельники. Свернуть парусину, по скамьям разойтись! Весла на воду! Тампарщик, почему биты под палубой?

Вскоре над морской гладью зазвучали гулкие ритмические удары, и длинные кипарисовые весла вспенили воду. Корабль рванулся вперед, еще, еще – и вскоре жрец тоже увидел впереди, на горизонте, белую полоску, никак не похожую ни на пену, ни на волны.

– Навались! – подгонял гребцов нубиец. – Тампарщик, не спи! Ритм, ритм давай!

Судно несло вперед, точно пущенная стрела – и с каждой оставшейся позади стадией служитель смерти все больше и больше настораживался от странного вида близкого берега. Идеально ровная, совершенно белая равнина – ни единого пятнышка, ни одного деревца или хотя бы малого кустика, ни даже выпирающего наружу камня. И больше всего это напоминало... Вчерашнюю палубу, усыпанную непонятными мокрыми семенами.

– Не торопись... – положил он руку на плечо кормчего. – Боги подсказывают мне, что нам нечего делать на этом берегу. Поворачивай влево, населенные земли должны быть там. И не выматывай гребцов. Путь предстоит неблизкий.

– Слушаю, Мудрый Изекиль. Тампарщик, спокойно... – Нубиец навалился на руль, заставляя нос корабля покатиться влево, потом выровнял судно, покосился

вправо, на бесконечное, до самого горизонта, белое поле. – Однако здесь странные земли, господин. Когда я вернусь в Тка-Хмет-Абу и расскажу о них, мне не поверит никто. – Он выдохнул, чуть приподняв голову, и проводил взглядом разлетающееся облачко: – И воздух здесь странный. Не настоящий. Колется, как шипами, белеет от дыхания.

Он был прав. Здешний воздух обжигал грудь при каждом вдохе, кусал, словно мелкая мошка, открытые руки и ноги, щеки, лоб, нос. Живительный Ра хотя и слепил, как никогда, но совершенно не грел, словно светил не с неба, а с росписей старинных храмов. И все это вселяло щемящую тревогу в душу служителя всесильной Аментет.

Весла поднимались над бортами и снова падали в воду, вяло колыхался парус, пытаюсь хоть как-то помочь движению. Стадия за стадией, час за часом проплывал по правую руку ровный белый берег. Ни единого пятна, ни единой возвышенности – словно и не плыли они, а стояли на месте. Ничего не изменилось и к вечеру. Ни ветра, ни волн. Никаких новых примет на берегу.

– Весла на борт! – решительно выдохнул нубиец. – Тампарщик, за ужином!

Кормчий повернулся к жрецу:

– Прости, о Мудрый, но смертные не могут грести непрерывно. Им нужна еда и сон.

Изекиль степенно кивнул, разрешая остановку, и нубиец облегченно скомандовал:

– Якоря за борт! Здесь ночуем, лентяи!

Спереди послышался громкий всплеск, стало видно, как стремительно разматывается с бухты шершавый, сплетенный из конопли, канат – пока не выбрался весь и не натянулся тетивой, заставив содрогнуться усталое судно.

– Дна нет... – изумленно выпрямился на носу гребец. – Мы не достали дна, почтенный Тут-Иси-То.

– Такого быть не может! – Нубиец широкими шагами промчался по центральному проходу, схватился за канат, насколько раз его дернул и отпустил, словно пытался избавиться от зацепа, и уже менее уверенно произнес: – Берег же рядом... Вот он, берег.

Изекиль отвернулся и ушел под навес.

В этот раз холод был настолько силен, что жрецу не удалось даже сомкнуть глаз. Он с завистью думал о смертных, сбившихся под парусиной и греющих друг друга общим дыханием, – но присоединиться к ним посчитал ниже своего достоинства. Однако сон не шел, и Мудрый Изекиль, устав ворочаться с боку на бок, поднялся и выбрался на палубу. И тут он увидел такое, отчего ноги безвольно подогнулись, и жрец упал на колени, восхваляя всемогущую Аментет, могучего Анубиса и Великого, Сошедшего с Небес, что семнадцать столетий назад создал этот мир: в черном ночном небе, затмевая звезды и отбрасывая на сверкающий берег призрачные блики, плясали огромные, неправдоподобно яркие, разноцветные сполохи.

Из-под палубы на стук высунулся кормчий – и тоже замер, изумленно отвесив челюсть.

– Дядь, дядь... – забормотал мальчишка, вылезший следом за нубийцем. – Дядь, глянь...

Тампарщик смотрел не на небо, и жрец перевел взгляд туда, куда показывал мальчик. Там, по тихому морю, очень медленно, словно таясь, к судну подкрадывался берег. Скалистый, с торчащими на высоту двух-трех человеческих ростов белыми отрогами.

– Великий Анубис, что же это? – в ужасе сглотнул кормчий. – Что это, Мудрый Изекиль?

Служитель богини смерти промолчал, глядя вперед – туда, где на удалении в половину стадии берега уже столкнулись. Там трещали и рушились отроги, вздымалась складками равнина, летели в воздух белые осколки и бесцветная облачная пыль. Пролив, на гладкой поверхности которого замер в ночи корабль, неумолимо сужался, и точка сокрушительного соприкосновения быстро приближалась к спящему судну.

– Я все понял жрец, – неожиданно горячо зашептал нубиец. – Ты ведь слуга Небесного храма? Ты служишь Аментет? Я все понял! Ты привел нас в Дуат, ты притащил нас к своей богине. Плавающие острова, светящееся небо, обжигающий воздух... Мы плывем по реке смерти, да? Мы все умерли, мы попали в Дуат?!

Мудрый Иезекиль молча положил руку ему на затылок, привлек к себе, впился губами в губы, сделал глубокий вдох, всасывая в себя немалые силы, накопленные кормчим за его долгую жизнь, и его слабенькие глупые душонки. Нубиец обмяк и мертвой тушей обрушился на доски. Мальчик испуганно вскрикнул, но жрец предупреждающе прижал палец к губам и покачал головой:

– Молчи. Я хочу побыть в тишине. Ступай вниз.

И перепуганный тампарщик торопливо спрятался в логово кормчего под задней надстройкой.

Иезекиль выпрямился, развернув плечи, втянул жгучий воздух странного мира, поднял лицо к полыхающим в вышине сполохам. Это было прекрасно. Это было воистину прекрасно. И если таким образом всемогущая Аментет показывала ему, сколь красив и таинственен ее мир, мир Дуата, – она почти соблазнила его.

– Сладость Твоя в чистом небе,
добротой Твоей исторгаются души.

Любовью Твоею слабеют руки.

От красоты Твоей немеют персты.

При Тебе замирают сердца...[8 - Фрагмент древнеегипетского гимна.] —

невольно прошептал он молитву своей богине.

Подкравшийся слева берег легонько подтолкнул корабль в бок, начал двигать к равнине, раскинувшейся по правую руку. Нарастал треск быстро приближающегося столкновения.

– Но если я уйду к тебе, всемогущая, кто возвысит имя твое в этом мире?

Шум, мелкие толчки заставили гребцов под парусом заворочаться, две головы даже выглянули наружу – и замерли, глядя в небеса.

Корабль резко ударило о правый берег. Жреца качнуло. Он сжал в руке изображение Амамат, шагнул через борт, прыгнул на землю, немного отошел по похрустывающей крупяной почве, оглянулся. Белые скалы наваливались на судно сверху – папирус сминался с легким шуршанием, словно солома в пасти усталого вола. Послышался громкий щелчок, мачта подпрыгнула вверх, одновременно из воды показалось черное днище, поросшее длинными водорослями, похожими на львиные волосы. И только в этот миг послышался громкий человеческий вопль. Край ровного берега сломался, задираясь, и скрыл от служителя Небесного храма корабль. Потом земля сломалась ближе к нему. Скала приподнялась, приблизилась на несколько шагов, опустилась. И остановилась, словно добилась всего, чего хотела.

Изекиль отпустил амулет верховного жреца, повесил его себе на шею, подошел к белой скале, коснулся ее ладонью. Она была холодна, точно камни ночной пустыни. А земля под ногами – прочна как камень, будто и не сминалась всего миг назад, словно лист пергамента. От громадного морского корабля, способного нести на себе полсотни людей и порядочное количество груза, остались всего несколько папирусных стеблей, лежащих у основания белого утеса.

Москва, подземелье Боровицкого холма.

24 сентября 1995 года. 20:00

Изекиль, завернутый в тяжелую парчовую мантию, вошел в алтарный зал и с удивлением остановился, обнаружив, что находится здесь один. Потом усмехнулся:

– Надо же. Кажется, наш неизменный Славутич нашел себе дело куда более интересное, нежели обнимать свой любимый алтарь...

Член Круга еще раз огляделся, потом быстрым шагом подошел к столу и впечатал раскрытую пятерню в его центр. На лице его появился злорадный

оскал, рука начала багроветь, но колдун прижимал и прижимал руку к источнику силы, пока тот наконец не притух, истратив всю возможную энергию.

– Вот так! – решительно выдохнул маг. – И только так! Эти несчастные надеялись, что алтарь выживет меня из Круга. Что я инородец, и алтарь не примет меня, что пребывание здесь станет для меня нестерпимой мукой. Славяне просто не знают, что есть настоящая мука. Хотел бы я посмотреть на Ахтара или Славутича, если бы их заперли на сотни лет в нестерпимом холоде, или еще столько же кидало на волнах, как дохлую крысу! Они бы быстренько решили, что устали, и сбежали бы в блаженное небытие.

Он посмотрел на свою руку, похожую на раскаленную докрасна железную перчатку, потом снова положил ладонь на стол:

– Здесь будет та и только та власть, какую я пожелаю, и никакой иной! И меня не остановит ничто и никогда!

Эхо принесло в алтарный зал звук шагов из какого-то коридора. Маг тут же отдернул руку, спрятал ее под полу мантии и опустился на свое кресло. Спустя минуту из узкого кирпичного прохода показался еще один колдун в ритуальной мантии. Правда, он не прятал лица под капюшоном, и Изекиль с облегчением кивнул:

– А, это ты, Унслан.

– Рад видеть тебя, учитель.

Второй маг – лет тридцати, с короткой бородкой, аккуратно подбритой на шее и щеках, и волосами, перехваченными на лбу мягким сыромятным ремешком, – поклонился и тоже сел в кресло.

– Что-то не видно совсем нашего друга, Великого Славутича, – покачал головой Изекиль. – Странно.

– Старик заметно ослаб в последние дни, – проговорил Великий Унслан. – Алтарь тоже почти не дает энергии. А ведь Славутич не один, ему нужно делиться силами с целой прорвой русских «белых магов».

– Он совсем устал, – многозначительно согласился Изекиль, и оба мага понимающе улыбнулись. – Великий Славутич очень устал и уже ничего не способен изменить, – продолжил Великий Изекиль. – Похоже, святой Ипатий сильно промахнулся, пророча гибель Руси в две тысячи четвертом году. Не будет к тому времени ни белого витязя, ни северной столицы, ни самой Руси. В следующем году уже не будет. За последние два года, как Славутич ни дергался, я скормил в Чечне черным магам, служителям смерти, сто сорок тысяч русских. Они пили из них энергию как хотели: жгли, пытали, резали, топили, стреляли. Думаю, ныне там наберется не меньше тысячи колдунов, не считая их учеников, неопитов и просто рабов. И все они сыты, полны сил и преданы мне, как самой Аментет. Пора двигать их сюда, к славянскому сердцу. И уже к концу года мир забудет о такой стране, как Россия. Нам надо торопиться. Годы проносятся как ветер. Если спящий проснется до того, как весь мир примет руку всемогущей богини, он разнесет все наши старания в пух и прах.

– Кого-кого ты собираешься двигать? – появился в алтарном зале третий член триумvirата. Медленными шажками Славутич добрал до кресла, буквально упал в него, прижал к камню ноги, а дрожащие ладони уронил на столешницу. – Это даже интересно.

– А ты, что, намерен мне помешать? – Ради откровенного разговора Изекиль даже скинул капюшон, показав свое выцветшее от времени лицо. – Интересно, как? Решение Круга определяется большинством – двумя нашими, с Великим Унсланом, голосами. Поэтому все белые маги получают запрет противиться моим слугам под страхом отлучения от алтаря. А другого способа получить энергию жизни они не знают. Русские воинские части получают приказ не открывать огня, дабы избежать кровопролития и не провоцировать протесты международного общественного мнения. И они этот приказ выполняют, как не раз подчинялись в Чечне, когда я запрещал добивать своих слуг, что попадались им в руки, и сопротивляться, когда мои слуги брали их «в клещи». И уже к первому снегу мои слуги появятся на московских улицах.

– Если ты имеешь в виду бандитов, насильников, воров и прочих висельников, Великий Изекиль, – Славутич снимать капюшона не стал, – то ответь, кто поведет эту толпу?

– Ты думаешь, у меня мало опытных, сильных магов?

– Было много опытных магов, – мягко поправил собеседника Великий Славутич. – Наверное, ты мало интересовался последними новостями. В Чечне прекратились скоординированные действия банд. Там осталось только тупое уголовное быдло. А всякие эмиры, кумиры, инструктора и заплечных дел мастера, сползшиеся на Кавказ со всей Европы, сгнули в момент, словно их никогда и не было. Пропали и проповедники сатанизма, что проповедовали ваххабизм в Поволжье, Уфе, Татарстане. Не стало их со вчерашнего дня – и все тут. То ли умерли все враз, то ли затаились. Авиация Соединенных Штатов прекратила бомбежки в Боснии и Герцеговине, а их Средиземноморский флот отошел от побережья Югославии. Хорваты и мусульмане прекратили давить на сербов и запросили мира. Во Франции оборвалась череда взрывов в метро и магазинах. Неужели ты совсем не смотришь новости, мой дорогой Изекиль?

– Этого не может быть... – чуть не впервые за все время членства в триумvirате в голосе Великого прозвучала растерянность.

Он перевел взгляд на Унслана, и тот потупил взгляд:

– Простите, учитель, я не успел сказать. Три дня назад случилось знамение. Явление Спасителя в облаках.

– Какой Спаситель, какое знамение?! – с яростью прошипел колдун.

– Я подумал, Великий, что тебе будет интересно, и прихватил пару снимков, скопированных внешней разведкой... – Славутич сунул ладонь в рукав, вытащил оттуда две большие глянцевые фотографии и кинул на стол. – Это явление было зафиксировано не нами, а орбитальным американским телескопом «Хаббл» три дня назад[9 - Данный снимок был обнародован Каналом CNN 2 ноября 1995 года, однако сделан на десять дней раньше.]. Созвездие Змеи, туманность Орла. На таком расстоянии с Земли фокусы не организуешь. К тому же Иисус Христос, шествующий по облакам в нашем направлении, имеет рост в одну пятую светового года. Он удивительно молод, правда?

– «Тогда явится знамение Сына Человека, и узрят Сына Человека, грядущего в облаках небесных с силою и славою»[10 - Матф. Гл. 24:3.30; Марк Гл. 13:26; Лук. Гл. 21:27.], – тихо пробормотал третий член Круга.

– Что ты несешь, Унслан?! – вскипел Великий Изекиль. – Какое знамение? Ты хоть знаешь, кто вписывал в Новый Завет эти слова?!

– Какая разница, кто и зачем вписывал вещице слова? – пожал плечами Славутич. – Главное, что в них уверовали. Ты совсем забыл, Великий, что мало кто из магов близок тебе по возрасту. Никто из них не помнит, как рождалась Церковь и ради чего произносились слова пророков. Но многие из них ощутили на себе дыхание Святой Инквизиции, каждый из них так или иначе столкнулся с силой, за сотни лет намоленной на святые кресты многими миллионами людей. И каждый знает, что Церковь – очень опасный противник. Во всех концах света три дня назад начали мироточить десятки икон. В храмах индуистских стало уходить жертвенное молоко, в Европе, Канаде, Азии и даже в США люди видели висящие в воздухе светящиеся кресты. Во многие города входили проповедники, провозглашавшие: «Спаситель идет!», после чего исчезали неведомо куда. Слишком много знамений сразу, чтобы в них усомниться. Христианский Мессия заявил о своем рождении. Это значит, что он придет к христианам, на христианские земли, сметая зло и ненависть. Твои слуги решили не рисковать, Великий Изекиль, и смылись отовсюду, где только распространено православие.

– Проклятые идиоты! – Колдун взялся за края капюшона и накинул его обратно себе на голову. – Но ведь мы с тобой знаем, Славутич, что все это – пустые фокусы. Мессии не будет. Ни сегодня, ни завтра, ни через год, ни через два. Мои ученики успокоятся и через пару лет вернуться назад. Что такое для нас несколько лет, Славутич? Единый миг! Что он изменит?

– Иногда даже миг способен решить судьбы Вселенной, Великий Изекиль, – ответил его собеседник. – И если я могу подарить своей земле хоть краткий миг покоя, я никогда не откажусь от такого шанса.

– Значит, это все-таки ты... – каркаяще рассмеялся колдун. – Ладно, будь по-твоему. Я дарю тебе эти два года, раз уж тебе так хочется. Я ждал слишком долго, пара лет не изменят для меня ничего. Чего еще ты хочешь мне сказать, Великий?

– Хочу сказать, что только что рассыпалась партия «Яблоко». Ее организаторы разбежались в разные стороны. На Урале остановлены два залоговых аукциона, на Сахалине оказалось некому подписывать договор о концессии на тамошние нефтяные месторождения... Должен сказать, Изекиль, ты напрасно так сильно рассчитываешь на своих воспитанников. У поклонников твоей черной мудрости

никогда не было ни родины, ни совести, ни чести. Они не служат никакой стране и никакой идее. Все они похожи на того бессмертного горца, про которого Голливуд недавно снял модное кино. Единственное, о чем они думают, – так это о том, как снести чужую голову и спасти свою. Они не способны ни на жертвы, ни на лишения и всегда смываются при первой серьезной опасности. Через пару лет – может, даже через год – они, конечно, успокоятся. Но когда ты снова начнешь созывать их под свои знамена, очень многие предпочтут не рисковать.

– Однако ты умеешь поднять настроение, Славутич, – склонился вперед Изекиль. – Очень прошу тебя, побереги свои силы, не покидай нас. Я хочу, чтобы ты увидел, чем кончится наш спор. Очень скоро кончится.

– Ты не знаешь, Великий Изекиль, – склонился навстречу белый маг, – почему уроженцы земель русских в беде просят спасти их жизни или души, а уроженцы твоих владений всегда просят спасти только их задницы? Может быть, для твоих учеников самое главное – все-таки не голова?

– Посмотрим, что придется спасти русским в новом веке, Великий Славутич! – Колдун резко встал. – Что-то холодно здесь сегодня. Пойду погреюсь. Великий Унслан, может, ты тоже хочешь сказать мне что-нибудь ласковое?

– Да, учитель, – чуть склонился молодой колдун. – Ты приказал мне найти молодого знахаря, который сдал Пустынника полиции.

– И что?

– Я нашел его, учитель. Он мертв.

– Хоть одно приятное известие за день, – скривился Изекиль. – И как он умер?

– Сегодня в полдень его выследил Пустынник и зарубил в поединке на мечах.

– Пустынник! – вскинулся Великий. – Я совсем забыл про этого чистюлю! Насколько я его помню, после нескольких дней в подвале инквизиции он стал относиться к Церкви с необычайным трепетом. Палит души только на войне, никогда не участвует в жертвоприношениях и даже дань со смертных не собирает. Пустынник вряд ли испугается Мессии, он почти не замаран перед

христианской верой. Где он, Унслан?

– Он в Петербурге.

– Это хорошо... – Колдун повернулся к Славутичу: – Ты слышишь это, друг мой? Не все черные маги одинаковы. Как, кстати, и белые. Кое-кто и не думает бежать от каждого чиха. Хочу напомнить тебе, Великий, что, принимая меня в Московский Круг, ты взял с меня обещание уничтожить Круг Северный. Мы связаны клятвой, Великий Славутич, и ты никак не сможешь помешать мне вычистить Петербург еще раз. Ведь я всего лишь выполняю твою волю. За что большое тебе спасибо и от святого Ипатия, и от белого витязя, пришествие которого он совершенно напрасно предрекал. Я прополю этот городишко так, что там не то что магов, там домовых не останется! А теперь прошу прощения, мне нужно идти. Дела...

Глава вторая

Санкт-Петербург, лесопарк «Сосновка».

24 сентября 1995 года. 20:05

Над дрожащим мелкими волнами прудом поднимались оранжевые клены, бело-желтые от чахнувшей листвы березки, темные, почти черные ели, желтовато-зеленые сосны. Каркала на вершине серебристой плакучей ивы ворона, пара уток что-то выискивала в воде под самым берегом. Если бы не доносящееся со стороны проспекта Тореза позвякивание трамваев, гул проносящихся на полной скорости машин – можно было бы подумать, что они находятся где-то в глубине дикого леса, а не в центре одного из крупнейших городов Европы.

– Как хорошо, – выдохнула Таня. – Согласись, Толя, когда сидишь вот так, на берегу, начинаешь понимать, что ты все-таки часть природы. Ничем не отличаешься от тех же птиц, зверей. Ты так же дышишь, тебе так же хочется есть, у тебя такая же красная кровь. Понимаешь, что вся наша цивилизация – это наносное, это что-то вроде камеры, в которой мы оказались по собственной воле.

Хочется уехать далеко в лес, остаться там один на один с деревьями, травой, животными. Собирать грибы и ягоды, ловить зайцев и кабанов. Есть настоящую, естественную пищу, дышать настоящим, чистым воздухом. Да, Толя?

Скуластый беловолосый мужчина лет сорока, который сидел рядом с ней на брошенной на землю куртке, криво усмехнулся. Четыреста пятьдесят лет назад ему довелось прожить наедине с природой чуть больше двадцати годов в землях племени гуронов, и он не испытывал особой ностальгии по тем, отнюдь не романтическим временам. Однако вслух Пустынник сказал совсем другое:

– Так в чем же дело, Танечка? – удивился он. – Машина в двух шагах, бак полный. Поехали.

– Как у тебя все легко получается, – покачала головой женщина. – Сели и поехали...

Она прижалась к Пустыннику, положила ему голову на плечо:

– Толенька, милый мой... Иногда мне кажется, что мы не пару дней, а уже много лет рядом. Не верится, что ты у меня есть...

– Э-э, Марк, ты глянь, голубки какие! Прямо как собачки лижутся!

– Да какие голубки? Вороны недощипанные!

Пустынник повернул голову. Парней было шестеро. Лет по восемнадцать-двадцать. Двое бритых наголо, половина в пухлых куртках, половина в свитерах. И все – в джинсах и тяжелых, с высокой шнуровкой, ботинках. Энергия агрессивности и превосходства, которую они излучали, не оставляла никаких сомнений в том, чем окончится встреча с ними вдали от свидетелей. Мужчина вздохнул, наклонился к торчащему из земли ивовому пруту в палец толщиной, сломал его у основания, резким движением оборвал кору.

– Вот ведь уроды, все настроение испортили... – Он поднялся, отряхнул брюки.

– Эй, ты на кого вякаешь, старпер?! – моментально отреагировали парни. – Кого ты уродом назвал?

Они стали быстрым шагом спускаться по склону.

- Мальчики, не надо! – вскочила женщина.

- А бабенка-то ничего, – усмехнулся один из бритых. – Есть чего пощупать.

- Мальчики...

Бритый, а следом и еще один парень стали заходить справа, отрезая Тане путь к отступлению, на их губах появились глумливые улыбки; пальцы рук шевелились, словно предвкушая, как будут бегать по горячему женскому телу. И только Пустынник совершенно точно знал, чем завершится эта стычка. Настолько точно, что даже не видел необходимости заговаривать свой пруттик никакими заклинаниями.

- Надо извиниться, старпер, – посоветовал парень в красной куртке. – А то электорат обижается.

Он собрался заржать своей шутке, но не успел: Пустынник с размаху, словно пасуя футбольный мяч, ударил его ногой в пах. Парень, захрипев, согнулся.

- Ах ты гад! – ринулся вперед второй бритоголовый.

Мужчина чуть заметно улыбнулся, отклонился от летящего ему в лицо кулака, поймал рукав свитера, хорошенько дернул. Потерявший равновесие противник пролетел мимо и, поскользнувшись на влажной траве, с громким плеском ухнул в воду.

- Ну ты козел! – Против Пустынника остались двое, один в сине-оранжевой куртке, второй – в темно-коричневой «водолазке», связанной из грубой шерсти, больше похожей на паклю. – Ну ты за это ответишь!

Тот, что в куртке, сунул руку за спину и вытащил охотничий нож. Вторым достал из кармана тонкую «финку». Мужчина покосился: первый бритоголовый и его приятель удерживали Таню за руки, но пока ничего не делали, наблюдая за схваткой. Вторым бритоголовый все еще барахтался в воде, не в силах выбраться на скользкий глинистый берег. Парень, получивший привет между ног, с воем

катался по земле.

- Ну и что вы теперь сделаете, дети ехидны? - Пустынник со свистом рассек прутом воздух. - Зарежете меня, да?

- Ты козел! - Подросток годиков восемнадцати, полусогнувшись, грозно размахивал охотничьим ножом, словно держал в руках настоящее оружие. - Ну ты теперь получишь! Ты у меня получишь!

- Ну и? - развел руки в стороны мужчина. - Когда?

- Иди сюда, козел! - Продолжая подпрыгивать, паренек перекинул охотничий нож из руки в руку, потом обратно. - Иди сюда, ты получишь по полной!

- Ладно, иду! - кивнул Пустынник и все так же, с широко разведенными руками, начал медленно подступать. - Так хорошо?

- Ну ты сейчас получишь!

Теперь их разделяло не больше полутора метров - мужчина, резко взмахнув правой рукой, сделал шаг вперед. Парень, по глазам которого хлестнул гибкий ивовый прут, вякнул от неожиданности и боли, вскинул руки к лицу, а Пустынник обратным движением вогнал основание прута ему в горло. Крик сменился хрипом, руки неудачника сместились с лица на шею, между пальцами проступила кровь. Шаг в сторону - кончик прута стремительно мелькнул в сыром воздухе и уперся кончиком в нос обладателю «водолазки». Тот, не долго думая, кинул нож и бросился наутек.

- Мы с тобой иначе поговорим... - Первый бритоголовый отпустил женщину и вытащил из-под куртки арматурный прут в локоть длиной. - Посмотрим, как ты теперь запоешь...

- Бараны безмозглые... - Пустынник подобрал с земли куртку, на которой сидели они с Таней, сунул левую руку в рукав, быстро обернул полы вокруг предплечья. - Я в ваши годы две войны прошел, на поединках рубился без счета. А вам, уроды, даже упряжь застегивать не доверю.

– Сейчас узнаем... – Бритый подскочил, из-за плеча замахнулся арматурой.

Однако тот, кто когда-то носил имя дона Альфонса де Тахо, сына идадьго Эбро Тахо из Толедо, принял удар на толстый слой ткани, отмахнул в сторону, правым кулаком ткнул врага в глаз – не сильно, но точно, – крутанулся вокруг оси и отработанным ударом рубанул его по основанию затылка. Прут, жалобно свистнув, оставил на коже узкий багровый рубец.

– Ох, нечистая сила, забылся совсем! – Пустынник откинул прут, кивнул женщине. – Танечка, очень тебя прошу, иди к машине. Я сейчас тебя нагоню.

Последний из парней куда-то бесследно сгинул, и женщину больше никто не удерживал.

– Ты за это заплатишься, гнида... – Бритый, ощупав глаз, начал подступать.

– Таня, уходи, очень тебя прошу, – попятился мужчина. – Я из-за тебя нервничаю. Иди, не смотри на все это. Я быстро...

– Что быстро?! – Парень опять взмахнул железным прутом, но на этот раз, отбивая его левой рукой в сторону, Пустынник шагнул вперед, выкинул вперед локоть, кроша им противнику зубы и одновременно слегка поворачиваясь. Его пальцы прочно сомкнулись у врага на запястье, и маг, отступая назад, резко развернулся в обратную сторону. Бритый взвыл, падая на колени, а мужчина без всякого труда вынул из вывернутой руки прут, прижал его парню к горлу, резко чиркнул. Тот жалобно всхлипнул, затаил дыхание.

– Н-н-да... – недовольно поморщился урожденный идадьго. – До чего люди докатились, глотку нечем перерезать.

Он вынул арматуру из-под горла, коротко щелкнул ею врага по затылку. Бритый упал носом в траву.

– Ах ты, тварь долбаная... – Первый из пострадавших наконец справился с болью, выпрямился, хотя и не до конца, и зачем-то достал выкидной нож.

Пустынник, проходя мимо, ударом арматурины по кулаку выбил у него оружие, обратным движением рубанул по виску. У парня мгновенно подкосились ноги – он упал и затих. Мужчина же побежал за бедолагой в куртке, который, зажимая горло, мелкой трусцой торопился к кустам, и без всякой жалости огрел его прутом меж лопаток:

– А ты куда? Ну-ка, пошел обратно!

– Дяденька, не надо... Дяденька.

– Топай, не отвлекайся, – одарил его пинком победитель, дошел до берега, протянул руку бритому, все еще барахтающемуся в грязи: – Давай, вылезти помогу.

– Да пошел ты знаешь куда?! – отступил подальше в воду тот. – Хрен ты моржовый, дупель старый! Тебя, что, трогали?! Мурло африканское.

Бритоголовый сплюнул и побрел вдоль берега по пояс в воде.

– Эй, чуня, – окликнул его Пустынник. – А почему «африканское»?

– Иди ты в жопу, – даже не обернулся тот. – С остальным, значит, не споришь? Хрен... Дупель...

– Ладно... – Мужчина обернулся к единственному стоящему на ногах противнику, и тот испуганно вскинул руку, заслоняя лицо:

– Не надо меня бить, дяденька. У меня горло перерезано. Я уже крови потерял... – Он всхлипнул. – Мне «скорую» нужно, я умираю.

– Зовут тебя как? – Маг бросил прут, размотал с левой руки куртку, накинул ее на плечи.

– Се-ерге-е-ем.

– Нож дай.

Паренек протянул охотничий нож, который все еще сжимал в руках – Пустынник принял оружие, решительным движением отрезал полу от его куртки, запустил руку в волосы, отпорол прядь, положил на ткань, дернул свою жертву за руку, смочил обрезок кровью, скрутил, спрятал в карман. Отрезал от куртки еще лоскут:

– Как того зовут? – указал он на свою первую жертву.

– Д-дима.

Мужчина отхватил прядь его волос, резанул кожу на загривке, смочил ткань в крови, свернул, спрятал в карман. Вернулся к Сергею за третьим лоскутом:

– Как того, бритого, зовут?

– Ж-жора... Георгий. А зачем вам все это, дяденька?

– Не знаю, – пожал плечами Пустынник. – Но почему бы не запастись рабами, если есть такая возможность? Авось пригодитесь.

Он приподнял голову третьего парня, подсунул ткань под разбитый рот, задумчиво оглядел бритую голову и отхватил мочку уха:

– Любишь уши – чуб на беду нужно оставлять. – Пустынник скрутил последний лоскут, обернулся к хныкающему пареньку: – Хватит выть. Шкура у тебя там разодрана, и ничего больше. А в парк вы сегодня пришли зря. Очень зря.

Колдун откинул нож в пруд и быстрым шагом направился в сторону Тихорецкого проспекта.

– Толя, ты цел? Они тебя не ранили? – кинулась навстречу Таня, которая не дошла-таки до машины и дожидалась неподалеку. – Господи, как я испугалась...

Женщина обняла колдуна, начала покрывать его лицо поцелуями, потом внезапно отпрянула и принялась ощупывать:

– Тебя точно не ранили? Надо милицию вызвать!

– А, шпана, – небрежно отмахнулся Пустынник. – Было бы на что внимание обращать.

– Так тебя точно не задели?

Колдун перехватил ее руки около запястий, положил себе на плечи, потом привлек Таню к себе и крепко поцеловал:

– Не беспокойся. Не такие они герои, чтобы с нормальным человеком справиться. Пойдем...

Пустынник обнял ее за плечи и повел к машине.

Спустя пятнадцать минут они уже входили в ее однокомнатную квартиру на проспекте Культуры.

– Так тебя точно не зацепили? – уже в который раз переспросила Таня. – У меня есть медицинский клей.

– Точно не зацепили, – повторил колдун, ставя сумку с продуктами под вешалкой и снимая ботинки. – Не беспокойся.

– Вот ведь сволочи какие! Я сейчас, руки помою и на ужин чего-нибудь сделаю. – Женщина свернула в ванную, а Пустынник подхватил сумку, прошел на кухню, воровато оглянулся, вынул из кармана тряпочные лоскутки и запихнул их за тумбу, в щель между задней стенкой и обоями. Чуть отступил: вроде незаметно. Он расстегнул куртку и, стаскивая ее, направился обратно в коридор.

– Тебе кофе сделать? – поинтересовалась Таня, вытирая руки.

– Нет, спасибо, – мотнул головой мужчина. – Мне после всего этого душ принять хочется.

Он вошел в ванную, скинул одежду, повесив ее на горячую батарею, включил воду, шагнул под обжигающие струи, которые прогревали тело, разгоняя по нему густую черную кровь, смывали пыль и усталость. А когда, накинув на плечи

новую рубашку, он вышел наружу, то обнаружил, что в квартире стоит мертвая неестественная тишина.

Таня сидела в комнате, на краю дивана, поджав под себя ноги и поставив подбородок на колени, и смотрела в черный экран выключенного телевизора. На щеках поблескивали влажные дорожки.

- Ты чего, хорошая моя? - осторожно присел он рядом.

- Ничего... - дернула она головой.

- Танечка, единственная моя... - Он протянул руку и осторожно погладил ее волосы. - Что случилось?

- Ничего... - Она сглотнула, из уголков глаз опять выкатились слезинки. - Господи, как я испугалась... Я думала, что это все... Только в жизни хоть что-то хорошее произошло - и все сразу рвут, уничтожают, отнимают. Почему?

- Не бойся, милая... - Пустынник обхватил женщину, сжал своими сильными руками. - Не бойся ничего и никогда. Пока я с тобой, ничего не случится. Не дам, не позволю...

Он нашел губами ее соленые губы, поцеловал. Таня заплакала сильнее, но при этом пылко отвечала на его ласки. Пустынник продолжил целовать ее глаза, щеки, губы, острый носик, подбородок, а затем, удивляясь столь странному переплетению эмоций страсти, жалости и страха, начал расстегивать пуговицы на ее блузке...

Маг проснулся от очень странного ощущения, и далеко не сразу понял, что слышит звук будильника. Он приподнял голову, пытаясь сообразить, где находится, покрутил головой. Низкий потолок, покрытый побелкой, комнатка метров двадцати, потрепанный шкаф. На виллу в Небраске не похоже...

Рядом зашевелилась женщина, поднялась, толкнула пластиковую панельку часов, обрывая занудливый писк, поправила волосы.

- Таня... - узнал ее маг, и лишь после этого грубо выдернутый из небытия разум включился, начал работать: Россия, Санкт-Петербург. Заказ от Московского Круга и... И месть. - Танечка...

- Отвернись, - не сильно, но требовательно ткнула его носом в подушку женщина. - Не хочу, чтобы ты видел меня такую. Сонную, мятую и растрепанную.

- Ты куда? - послушно закрыл глаза маг.

- На работу, - зевнула она, и диван, расправляя пружины, облегченно скрипнул.

- Ты ведь раньше не ходила.

- Ты чего, Толя, - рассмеялась женщина. - Мы ведь с тобой только в пятницу вечером познакомились. Забыл?

- Не ходи, - предложил Пустынник. - Честное слово, Танечка, бросай ты эту ерунду. Оставайся со мной. У меня есть некоторые доходы, нам с тобой хватит. Правда. Я не такой нищий, как кажусь на первый взгляд.

- Так сразу и бросай?

- А почему нет? - Он открыл глаза. - Таня, ты самая прекрасная из женщин, которых я только встречал в своей жизни. Я совершенно не представляю теперь, как можно существовать без тебя. Я хочу, чтобы ты находилась со мной рядом каждый день и час, каждую минуту. Я люблю тебя, Таня. И прошу: не уходи.

Женщина, запахнув халат, замерла. Потом опустилась на край постели, протянула руку, коснувшись его лица теплыми подушечками пальцев.

- Ты знаешь, - тихо ответила она. - Мне кажется, я без тебя тоже теперь не смогу.

- Так оставайся!

- Нет, - возразила Татьяна. - Не хочу становиться содержанкой.

- При чем тут это? - приподнялся на локте маг. - Просто мы будем вместе!

- Мы и так будем вместе, - кивнула она. - Но не потому, что ты богаче и можешь себе это позволить. А потому, что мне хочется этого так же, как и тебе. Я готова отдать тебе свою свободу. Но не по необходимости. А потому... Потому, что тоже тебя люблю. А теперь извини, мне нужно торопиться.

Она вышла из комнаты, и вскоре послышался шелест водяных струй из ванной.

- Однако, - приподнял брови Пустынник. - Дама желает сохранить самостоятельность.

Он встал с постели, сладко потянулся, подошел к окну, раздвинул занавески и тут же, выругавшись, задернул. Он совсем забыл, что находится не на своей вилле, где окна спальни выходят в густой сад, а в чужом городе с домами, чуть не соприкасающимися стенами друг с другом.

- Что случилось? - заглянувшая в комнату Таня уже застегивала блузку.

- Склероз, - усмехнулся колдун. - Тебя подвезти?

- Нет. Мне нужно время, чтобы прийти немного в себя, прежде чем я смогу заняться обычными делами. Ты не обиделся, Толя? Я действительно...

- Нет, - перебил ее Пустынник, - не обиделся. Ты права: когда женщина находится рядом не по необходимости, а потому, что сама этого хочет, это намного приятнее. Я сделаю все, чтобы у тебя никогда не появилось желания остаться одной. Пусть даже и имея для этого все возможности.

Таня оправила блузку, застегнула сбоку юбку, потом неожиданно опустилась на колени и поцеловала мужчину в живот. Тут же поднялась и почти побежала к дверям.

- Все, я опаздываю. До вечера!

Ее касание неожиданно вызвало в теле колдуна горячую волну, и он чуть ли не впервые за несколько веков пожалел, что не способен к обычной, плотской связи. Пожалел – и выкинул из головы ненужную мысль. Повернулся к окну, чуть приоткрыл занавеску. Снаружи с серого неба на серые улицы вяло падал серый дождь, больше похожий на водяную пыль. Потерявшие листву серые деревья молитвенно вскидывали к низким серым облакам корявые ветки, по серым газонам выгуливали серых собак серые горожане, прячущиеся под серыми зонтиками.

Пустынник передернул плечами, отошел к дивану, скатал постель, кинул в ящик, сложил странное порождение малометражных квартир так, чтобы на нем было удобно сидеть, включил телевизор и начал одеваться.

Собственно, что еще задерживает его в этом северном городе? Он отомстил Московскому Кругу за потерянное Око, истребив нескольких его магов; он отомстил молодому колдуну за то, что тот сдал его полиции. В принципе можно ехать домой, под жаркое солнце графства Лоуп, в свою виллу на берегу полноводной Северной Лоупы. Правда, «коровку» жалко бросать, до конца не выдоив. У себя дома, дабы внимания зря не привлекать, Пустынник от охоты воздерживался.

– Впрочем, от нескольких дней все равно ничего не изменится, – вздохнул он.

По собственному опыту колдун знал, что женщина не способна оставаться счастливой больше недели. Рекорд, установленный одной кривоглазой мексиканкой, – десять дней. И все. После этого каждая смертная перестает воспринимать любовника как дар и считает его своей законной собственностью, подарки – его обязанностью. Ласки воспринимает уже не как радость, а как свой подарок мужчине – дарует через снисхождение... Она перестает испытывать радость и вместо благодарности начинает требовать. Говоря проще – превращается в вампира. А Пустынник был не настолько живуч, чтобы прикармливать у себя на груди кровососов.

– Ладно, – решил он. – После нашей встречи прошло три дня. Осталось еще четыре-пять. Подкормлюсь, схожу по музеям, по театрам, полюбуюсь архитектурой. Все-таки это серое селение красивейшим городом Европы считается. Погуляю. Чем еще можно заниматься в этих холодных землях? А через пять дней рвану домой.

В этот миг он ощутил, что за ним кто-то наблюдает. Холодок меж лопаток, непонятный зуд сзади на шее, легкое головокружение. Даже не головокружение, а так – легкая слабость и пустота в мыслях. Пустынник сплюнул, торопливо застегнул молнию брюк, выскочил на кухню и обвел ее взглядом. Ну, разумеется, хрустального шара нигде не было. Вечно эти женщины с патологическим стремлением к порядку...

– Ты в Петербурге, мой юный друг?

Голос прозвучал из ничего, из пустоты вокруг, словно зарождался в самом мозгу. Однако Пустынник отлично знал, что в голове, среди нейронов, нечувствительных ни к боли, ни к заклятиям, никогда и никаких воздействий не бывает. Все, что человек ощущает – всегда происходит вокруг.

– Хороший город... – Колдун взял себя в руки, отошел к окну и присел на подоконник. – Когда здесь нет дождей, то тут почти красиво.

– Разве ты ищешь в здешних землях красоту? Я думал, что совсем другое...

Пустынник узнал этот голос. Голос старого, полумертвого, но очень, очень сильного и умного чародея.

– Другого мне получить не удалось, Великий, – ответил он, глядя на капающий кран. – Меня кинул один бесчестный маг. Имя ему – Изекиль, если ты знаешь такого, мой неведомый собеседник.

– Хватит валять дурака, Пустынник, – ответили ему из пустоты. – Ты отлично знаешь, что это я.

– То есть, – скорчил презрительную рожу колдун, – ты и есть тот самый Великий, что пообещал мне черепа трех арийцев, а вместо этого отнял у меня Око, а самого сдал полиции?

– Я тот, кто дал тебе работу, которую ты не выполнил, но все равно выдержал тебя из лап смертных, – решительно отрезал Изекиль.

– Я потерял Око, – повторил Пустынник. – Потерял, работая на тебя. Что может компенсировать такую потерю?

– А чего ты хочешь?

Пустынник промолчал, довольно улыбнувшись. Похоже, один из членов московского триумvirата нуждался в нем настолько, что предлагал назначить любую цену.

– У тебя, Великий Иезекиль, все равно нет ничего, что могло бы сравниться с Оком.

– В Эрмитаже, в Русском музее, в Кунсткамере и Этнографическом музее есть очень, очень много артефактов, часть которых пылится на витринах, а часть гниет в запасниках, – ответил член Московского Круга. – У меня вполне хватит власти, чтобы отдать тебе то, что ты пожелаешь получить взамен. Такая компенсация тебя устроит, мой юный друг?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Электрум – сплав золота и серебра.

2

Зеленое море – ныне Средиземное море.

3

Следует помнить, что вплоть до второго тысячелетия до нашей эры египтяне помещали мир мертвых на небеса, и лишь в эпоху Среднего царства он переместился под землю. Возможно, это связано с утратой понятия о небе как черном безжизненном космосе.

4

«Нечистой» в Древнем Египте считалась, разумеется, любая шерстяная ткань, а не только верблюжья.

5

Ахет – сезон с июня по ноябрь.

6

Говоря русским языком, это называется плиссировкой. Плиссированная одежда считалась в Древнем Египте очень престижной и ее носил каждый, кто обладал достаточными для такой покупки средствами.

7

Исус – написание имени Христа до Никоновской реформы.

8

Фрагмент древнеегипетского гимна.

9

Данный снимок был обнародован Каналом CNN 2 ноября 1995 года, однако сделан на десять дней раньше.

10

Матф. Гл. 24:3.30; Марк Гл. 13:26; Лук. Гл. 21:27.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/altar

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)